

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 40 СЕНТЯБРЬ 1984

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении
Генерального секретаря
ЦК КПСС,
Председателя Президиума
Верховного Совета СССР
дважды Героя
Социалистического Труда
товарища **ЧЕРНЕНКО**
Константина Устиновича
орденом Ленина
и третьей золотой медалью
«Серп и Молот»

За выдающиеся заслуги в партийной и государственной деятельности по разработке и осуществлению ленинской внутренней и внешней политики, развитию экономики и культуры, укреплению обороноспособности СССР, большой личный вклад в упрочение мира и безопасности народов наградить Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР дважды Героя Социалистического Труда товарища **Черненко** Константина Устиновича орденом **Ленина** и **третьей золотой медалью «Серп и Молот»**.

Первый заместитель
Председателя Президиума Верховного
Совета СССР
В. КУЗНЕЦОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль. 22 сентября 1984 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 40 (2985)

29 СЕНТЯБРЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

ПОЛВЕКА

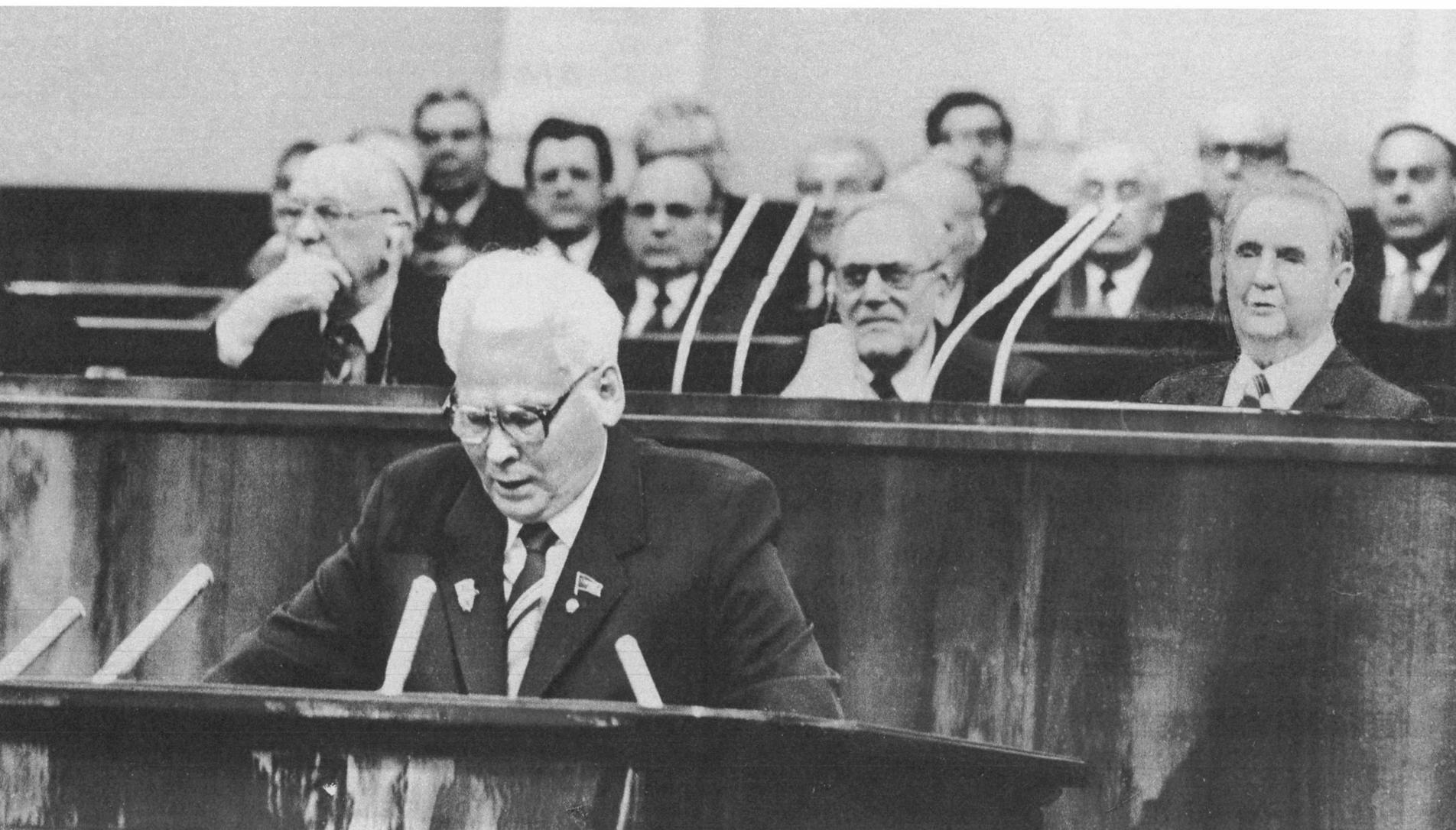
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА
и А. ГОСТЕВА

ПА

25 сентября 1984 года. Большой Кремлевский дворец. Во время вручения награды.

СЛУЖЕНИЯ ПАРТИИ И НАРОДУ

УТВЕРЖДАТЬ ПРАВДУ ЖИЗНИ, ВЫСОКИЕ ИДЕАЛЫ СОЦИАЛИЗМА

РЕЧЬ ТОВАРИЩА К. У. ЧЕРНЕНКО

НА ЮБИЛЕЙНОМ ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР 25 СЕНТЯБРЯ 1984 ГОДА

Дорогие товарищи!

Ваш пленум посвящен пятидесятилетию очень значительного события в истории советской культуры — Первого Всесоюзного съезда советских писателей. И сегодня мы с гордостью смотрим на путь, пройденный советской литературой, рожденной Великим Октябрем. Литературой, в которой нашли яркое отражение революционные преобразования XX столетия. [Аплодисменты].

Это — литература, живущая одной жизнью с народом, партией, страной. На ее страницах в полный рост встают величественные фигуры Ленина и его соратников, героев гражданской войны и первых пятилеток, бессмертных вои-

нов Великой Отечественной. Это — литература, в центре которой — человек труда и человек в труде, пылкий, ищущий, деятельный, активный строитель социализма. Это — литература, которая умеет понять и изобразить своего современника во всей сложности его внутреннего мира и нравственных исканий, в его радостях и тревогах, в его стремлении к правде и справедливости.

Дело, так замечательно начатое Горьким и Маяковским, Фадеевым и Шолоховым, продолжают сегодня писатели и поэты, активно и плодотворно работающие в нашей многонациональной литературе. [Аплодисменты]. Я, понятно, не буду называть здесь имена или

конкретные произведения. Замечу одно: то новое, талантливое и глубокое, что появилось в литературе за последние годы, что волнует советского читателя, заставляет думать и спорить, — это вернейшее свидетельство того, что на наших с вами глазах в советскую, да и мировую классику входят такие творения, которые переживут свое время и правдиво расскажут о нем потомкам.

Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что самый точный критерий успехов литературы и искусства в целом — та реальная степень воздействия, которое они оказывают на формирование идейно-нравственного облика народа. В этом смысле советская литература

действительно не знает себе равных. Она воплощает в себе духовное богатство новой, социалистической цивилизации. Вот почему партия, народ с таким уважением относятся к благородному труду писателей, всех мастеров искусства. (Аплодисменты).

Товарищи, годовщина Первого писательского съезда располагает к откровенному, обстоятельному разговору не только о положении дел в литературе, но и о проблемах художественного творчества вообще, о месте искусства в нашей жизни. Потребность в таком разговоре у вас, деятелей советского искусства, полагаю, есть. Уверен, что в этом заинтересованы и десятки миллионов ваших читателей, зрителей, слушателей — словом, все наше общество. Не скрою: в этом разговоре я тоже хотел бы принять участие. И, естественно, говоря о проблемах художественного творчества, я не собираюсь давать вам рецепты, как решать их. Я хотел бы высказаться прежде всего по политическим аспектам этих проблем, поделиться своими заботами, рассказать о коренных задачах партийной политики сегодня, о том, как мы их понимаем, как действуем.

Проблемы художественного творчества вне политики не существуют. Для нас это очевидная истина. Однако пробивала она себе путь, как известно, нелегко. И вряд ли можно переоценить тот вклад, который внес в ее принципиальное утверждение Первый писательский съезд.

Речь на нем шла о призвании литературы в социалистическом обществе, о ее роли в воспитании нового человека, о гражданском долге литератора. Широко, по-ленински подошел к этим вопросам Алексей Максимович Горький. Вы, разумеется, помните его главную мысль: писатель должен научиться активно использовать великое право, которое предоставил ему социализм. Право непосредственно участвовать в строительстве новой жизни, быть строгим судьей всего косного, отжившего, утверждать своим искусством подлинный гуманизм, высокие идеалы социализма. Таков, по сути, политический смысл социалистического реализма — основного художественного метода нашей литературы, искусства.

Первый съезд стал переломной вехой в процессе становления литературы нового, социалистического направления. И начиналась она, как говорится, не с чистого листа, а выросла на фундаменте передовой русской литературы, демократической культуры всех народов России, мирового классического наследия.

Подводя итоги съезда, Горький оценил его как победу большевизма. И он был безусловно прав: внесение коммунистической партийности и организованности в сферу литературы помогло ей стать, как и предвидел Ленин, действительно свободной, открытой связанной с человеком труда. Найденная после долгих поисков и закреплённая на съезде организационная форма объединения литераторов была принята на вооружение мастерами других искусств. И она выдержала испытание временем.

Но значение Первого съезда вышло за рамки художественной жизни: он стал рубежом и в истории становления советской интеллигенции. Вспомните: две трети делегатов съезда были по происхождению рабочими и крестьянами. Иначе сказать, интеллигентами в первом поколении. Этот факт лучше всяких слов говорил о том, что родилась и заняла достойное место в нашем обществе новая интеллигенция.

Съезд литераторов упрочил сложившийся после Октября союз труда и культуры. Без такого союза, без союза рабочих, крестьян, интеллигенции, цементирующей силой которого был и остается рабочий класс, успешное строительство социализма попросту невозможно. Это было верно полвека назад. Тем более верно сегодня, когда интеллигенция — уже не узкая прослойка образованных лю-

дей, а могучий пласт трудового народа. Когда неуклонно растёт её вклад в наше общее дело — совершенствование построенного в СССР социализма.

Дело это, понятно, сложное. Оно не терпит легковесного, упрощенческого подхода. Тут прямо просится на язык присловье: куда ни кинь — умом раскинь. Да, именно так. Даже от машин мы сегодня требуем, чтобы они были умными. И хотя это только метафора, она правильно подчеркивает отличительную особенность современного производственного процесса — его растущую интеллектуальную насыщенность. Недаром же повышение эффективности народного хозяйства, интенсификацию производства мы теснейшим образом связываем с ускоренным освоением открытий науки, достижений инженерной мысли. И, конечно же, с перестройкой самого экономического мышления.

Вообще, товарищи, какую область партийной, государственной, хозяйственной работы ни взять, нигде мы не можем успешно двигаться вперед без опоры на глубокие знания, на высокую сознательность и культуру всех трудящихся. На громадный духовный, творческий потенциал, накопленный поколениями советских людей. Решения XXVI съезда, Пленумов ЦК последнего времени, собственно говоря, и направлены на полную мобилизацию этого потенциала. Это, как мы уверены, способно придать мощное ускорение всему нашему развитию.

Здесь в зале собрались представители тех профессий, за которыми по традиции закрепилось название творческой интеллигенции. Но думаю, вы поддержите меня, если я скажу так: творческий характер труда, творческий подход к своему делу должны сегодня быть отличительной чертой каждого интеллигента — ученого или инженера, учителя или врача. Как, разумеется, и каждого рабочего, каждого колхозника, всех, кто честно и добросовестно трудится во имя процветания нашей великой Родины. А таких людей у нас миллионы и миллионы.

Вы, наверное, уже заметили, товарищи, что я хочу подвести вот к какой мысли: сам характер задач, которые стоят перед нашим обществом, открывает поистине бескрайнее поле приложения творческих сил и энергии всех отрядов советской интеллигенции. Формы и направления их деятельности исключительно многообразны. Но есть и нечто общее, что их объединяет. Я имею в виду то огромное влияние, которое интеллигенция оказывает на общественное сознание, на духовную жизнь общества. Учитывать это в политике партии, в ее идеологической и организаторской работе, как учил Ленин, надо всегда. Но особенно важно в периоды, когда общество оказывается лицом к лицу с качественно новыми задачами, для решения которых, естественно, требуется новый уровень общественного сознания.

Так именно обстоит дело и в наши дни. Теоретическая мысль партии вооружила нас концепцией развитого социализма. Сила этой концепции — в том, что она позволяет четко определить достигнутую нами степень социально-экономической зрелости нового общества, точнее предвидеть себе наши ближайшие и перспективные цели. Может, на первый взгляд это и звучит несколько абстрактно. Но, если вдуматься, если внимательно вчитаться в партийные документы, нельзя не заметить: речь идет об очень конкретных, жизненных вещах. О необходимости взвешенно, реалистически оценивать особенности переживаемого нами периода, не допуская ни умаления наших великих, бесспорных достижений, ни лакировки действительности, ни драматизации недостатков. О значении творческого поиска новых, соответствующих этим особенностям, путей решения встающих задач.

Поддержка массами политики КПСС — важнейшее условие ее эффективного осуществления. А такая поддержка обеспечивается открытым разговором с людьми. Честность, иск-

ренность в политике — непреложный закон для партии. Как писал В. И. Ленин, «искренность в политике, то есть в той области человеческих отношений, которая имеет дело не с единицами, а с миллионами, — искренность в политике есть вполне доступное проверке соответствие между словом и делом». Так что, товарищи, помимо научного содержания в концепции развитого социализма заключен также огромный морально-политический смысл.

Требование реалистического восприятия действительности вовсе не означает, будто мы замыкаемся в будничной текучке. Партия смотрит вперед. Она уделяет первостепенное внимание тем проблемам, от решения которых зависит будущее страны, народа, а во многом и положение дел на мировой арене.

Приближается XXVII съезд КПСС. Каждый съезд играет огромную роль в жизни партии и народа. Но уже сейчас несомненно: значение очередного съезда будет определяться тем, что на нем будет принята новая редакция Программы КПСС, на основе которой нам предстоит работать десятилетия.

Как мне уже приходилось говорить на программной комиссии ЦК, мы должны исходить из сложившихся реалий, учитывая все существенно новое, что появилось в общественной практике и теории за последние без малого четверть века, учитывая накопленный опыт масс. А опыт этот показал, что прежде чем решать задачи, связанные непосредственно со строительством коммунизма, необходимо пройти исторически длительный этап развитого социализма, в начале которого находится наша страна.

Как показывает анализ писем трудящихся, откликов общественности, такая постановка вопроса получает безусловную поддержку. Вместе с тем, разговаривая с людьми, просматривая почту, иногда сталкиваешься с вопросом: а не отодвигаем ли мы тем самым коммунистическую перспективу? Ответ на него прост и недвусмыслен: конечно, нет. Напротив, мы делаем все, чтобы приблизить эту перспективу. А приблизить ее можно только одним путем — решив весь комплекс больших и сложных проблем, относящихся к тем или иным ступеням первой фазы коммунистической формации. Это в полной мере соответствует ленинскому представлению о том, что «коммунизм есть высшая ступень развития социализма». И я хочу особо подчеркнуть, товарищи: длительность этапа развитого социализма ни в коей мере не означает, что мы можем не заботиться о постоянном наращивании темпов, отложить какие-то назревшие дела в долгий ящик. На максимальное ускорение нашего развития мы направляем сегодня все творческие силы народа, его трудовую инициативу.

Так что формулой «развитой социализм» нельзя пользоваться лишь как грамотой, удостоверяющей, так сказать, наши прошлые успехи и автоматически гарантирующей наши успехи в будущем. Она нацеливает нас на другое. На то, чтобы привести все стороны жизни советского общества в соответствие с самыми высокими, самыми требовательными и, конечно, научно обоснованными представлениями о социализме.

Ясно, что это требует энергичных хозяйственных и организаторских усилий. Вместе с тем необходима и настойчивая работа по повышению сознательности масс, по определенной, если хотите, переориентации общественного сознания, чтобы оно быстрее усваивало новые идеи, выдвигаемые партией, решительнее избавлялось от устаревших, отсталых взглядов. И в этой важной идейно-политической работе мы рассчитываем на активную помощь нашей интеллигенции.

Я уверен в огромном вдохновляющем значении этой задачи для деятелей нашей литературы и искусства. Своими средствами они призваны утверждать тот самый подход к жизни, к ее проблемам, за который выступает,

борется партия. Кстати, если бы потребовалось коротко определить суть этого подхода, можно, пожалуй, воспользоваться хорошо вам знакомыми словами — социалистический реализм.

Сейчас литература, кино, театр нередко обращаются к сложным, противоречивым явлениям. И в этом нет ничего удивительного. Противоречия естественны и неизбежны в процессе развития социалистического общества. И, конечно же, они всегда так или иначе влияют на судьбы людей, становятся источником нравственных коллизий. Тем более, что преодоление этих противоречий, хотя они и не носят у нас антагонистического характера, требует немалых усилий, большой гражданской смелости, принципиальности. Это — богатейшая пища для размышлений писателя, для того, чтобы выполнять извечную миссию литературы: побуждать общество, каждого человека пристальнее, строже взглянуть на самого себя. Для того, чтобы помогать ему всегда и во всем занимать активную позицию стойкого борца за наше общее дело.

Помогая партии воспитывать людей в коммунистическом духе, формировать подлинно советский характер, наши литература, искусство многое сделали, чтобы раскрыть природу такого характера, чтобы создать правдивые, полнокровные образы людей, беззаветно преданных народу, социализму, воплощающих героизм строительства нового мира. Все мы понимаем: сделать это, перенести из жизни в художественное произведение таких людей непросто. А потому, наверное, споры в творческой среде о том, каким должен быть положительный герой, естественны и нужны. Я, конечно, не собираюсь в них вмешиваться. Хотел бы высказать лишь одно соображение. Мне кажутся мало плодотворными дискуссии о том, какова должна быть, например, «дозировка» положительных и отрицательных качеств героя. Важно, товарищи, чтобы творческие искания художника имели, если так можно выразиться, единую отправную точку — верность правде жизни, социалистическим идеалам. Это необходимое условие партийности, народности искусства.

Разумеется, читатель, зритель, особенно молодой, хотел бы чаще встречаться в книге или на экране с таким своим современником, которому он мог бы поверить, которого он мог бы полюбить, которому захотелось бы подражать. Повторяю то, что говорил на июньском Пленуме ЦК, так как убежден: ничто не может заменить литературу, искусство в воспитании общественных нравов и чувств людей, в их способности воздействовать и на ум, и на сердце.

Хотел бы в этой связи вот еще о чем сказать. Приобщение человека к художественной культуре, эстетическое воспитание дает прочные результаты, когда оно начинается с малых лет. Бесспорной заслугой нашей школы является то, что у нас практически нет осмеянных классиков «митрофанушек». Но вот с недорослями в эмоционально-психологическом смысле мы еще, к сожалению, встречаемся. Надо, видимо, использовать школьную реформу для того, чтобы усилить влияние литературы и искусства на формирование личности. Убежден, что сегодня идейно-нравственному развитию подрастающих поколений, воспитанию культуры чувств следует уделять не меньшее внимание, чем обучению основам наук. Партия рассчитывает в этом деле на конкретную помощь творческих союзов, нашей художественной интеллигенции.

Важным инструментом воспитания гражданственности, советского патриотизма, интернационализма было и остается воспитание историей. И хорошо, что в литературе, искусстве своего рода возрождение переживает историческая тема. Умение говорить о прошлом серьезно, взвешенно, с позиций марксистско-ленинского мировоззрения — вот что приносит, как показывает практика, успех в этом деле. Ни переписывать историю, ни подчищать ее нельзя. Особенно вдумчивого, подлинно классового подхода требует художественное воплощение истории борьбы советского народа за социализм. И чтобы не разойтись с правдой, художник обязан прочно стоять на почве фактов, не подменять эмоциями и про-

извольной игрой воображения знание закономерностей и реального хода общественного развития.

И еще об одном. Отрадно, что советские художники чаще стали обращаться к публицистике. Это дает им возможность смело и вовремя вторгаться в самую злободневную проблематику, в конкретные экономические и социальные вопросы, волнующие людей. Это помогает созданию таких произведений, которые средствами искусства подчас как бы обгоняют время, остро ставя назревшие жизненные проблемы и предлагая конкретные пути их решения.

Словом, товарищи, за какую бы тему — современную или историческую, внутреннюю или международную — художник ни брался, в каких бы жанрах он ни работал, общественная ценность его труда определяется прежде всего той активной идейно-политической, мировоззренческой позицией, которую он занимает и утверждает.

Товарищи! На темпы нашего продвижения вперед в немалой мере влияет внешнеполитическая обстановка. А она складывается сейчас очень тревожно. В последнее время мне уже не раз приходилось говорить об этом. Так что позвольте поделиться лишь несколькими соображениями.

Суровая правда нынешней международной ситуации такова, что ядерная угроза, к сожалению, велика. От нее не спрячешься, не отступишься. С ядерной угрозой надо активно и целеустремленно бороться. Так мы и поступаем.

Этим прежде всего определяется и наш подход к отношениям с Соединенными Штатами. Ведь от состояния этих отношений в значительной степени зависит положение дел на международной арене. Однако в США, судя по всему, либо не хотят, либо пока не готовы понять, что иного разумного пути, чем нормализация советско-американских отношений на принципах равенства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга, — нет.

Обладать в наши дни мощным ядерным потенциалом — огромное бремя. Я говорю даже не о том, как дорого это обходится. Я говорю о бремени величайшей ответственности, которую это накладывает на политических деятелей, требуя от них крайне серьезного отношения к вопросам войны и мира, к конфликтным ситуациям. Из этого мы и исходим. Наши цели ясны и неизменны: мы категорически против конфронтации в военной области. Мы решительно за радикальное ограничение и сокращение гонки вооружений, за запрещение и полную ликвидацию ядерного оружия.

За те же цели за рубежом выступают сегодня миллионы и миллионы людей разных взглядов и убеждений. Их совместные действия оказывают заметное влияние на формирование антивоенного общественного мнения. А это очень важно, товарищи. И тут многое может сделать интеллигенция, деятели культуры. Вот почему сегодня так небывало тревожно и требовательно звучит знаменитый горьковский вопрос-призыв: «С кем вы, мастера культуры?» и дело, конечно, не сводится просто к выбору между СССР и США, как это нередко изображают антикоммунисты. Дело в выборе между жизнью и гибелью нашей цивилизации. Никакой «золотой середины» здесь нет: либо ты с теми, кто готовит войну, либо с теми, кто отвергает авантюристическую политику империализма, борется за мирное сосуществование, за разоружение.

И потому так важно, чтобы наша творческая интеллигенция помогала своим зарубежным коллегам такой выбор сделать. Этого, кстати, правящие круги Запада очень опасаются. Они стремятся дискредитировать в глазах интеллигенции своих стран идеи и практику социализма, поссорить ее с творческой интеллигенцией социалистических государств. Враги мира боятся сплочения мастеров культуры, к голосу которых прислушиваются миллионы людей.

А между тем на Западе любят порассуждать о пользе сопоставления идей и взглядов, развития контактов между людьми. Мы, конечно, за это. Но с чем мы сталкиваемся на

практике? С попытками беспардонно вмешиваться в наши внутренние дела, с настоящей психологической войной. И одна из ее целей — хоть немного расшатать единство деятелей нашей культуры с партией.

К приемам, как вы знаете, прибегают, прямо скажем, неинтеллигентным — ложь, подтасовка фактов, подмена понятий. Говорят, например, что социализм «нетерпим» к свободе творчества, что КПСС, мол, перекрывает пути для художественных поисков, требует «единообразия» в литературе и искусстве. Здесь все поставлено с ног на голову. И, разумеется, отнюдь не по неведению. Так что переубеждать наших идейных противников, конечно, дело безнадежное. Но отстаивать и разъяснять наши взгляды, ловить за руку нечистоплотных «критиков» нового строя, активно нести людям правду о социализме, воспитывать советских людей, особенно молодежь, в духе классовой бдительности, готовности к защите нашей великой Родины надо неустанно.

Хотел бы вот еще что заметить. Мы надеемся, что в период подготовки к празднованию 40-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне руководство творческих союзов и организаций найдет возможность привлечь еще более глубокое внимание мастеров искусства к военно-патриотической теме. Сегодня мы не можем пожаловаться на количество произведений, созданных на эту тему, которая издавна занимает достойное место в творчестве наших деятелей культуры. Но хотелось бы, чтобы почаще появление таких произведений становилось подлинным событием в художественной жизни страны, в развитии советской литературы и искусства.

Товарищи! Наша партия и государство создают такие условия, которые помогают таланту раскрыться в полной мере, творить на благо народа. Мы решительно отвергаем мелочную опеку над людьми творческого труда. Творчество потому и творчество, что оно свободно: из-под палки ничего действительно нового, прекрасного не создашь. Истина старая, доказывать ее — все равно что ломиться в открытую дверь.

Однако свобода творчества — это не привилегия для избранных. Партия относится к таланту бережно, видит в нем ценнейшее достояние общества. Но никто и ничто не может освободить человека от обязательных для всех требований общества, его законов. Наивно думать, что можно чернить нравственно-политические устои нашего строя и одновременно ожидать от него благ и признания. И, конечно же, никому народ не простит перехода на сторону наших идейных противников в той острой борьбе, которая идет сегодня в мире. Тут двух мнений быть не может.

Да, товарищи, много нелепостей, откровенного вздора написано и наговорено на Западе, чтобы извратить сам смысл партийного подхода к искусству. Ведь как порой бывает. Берут не очень удачное произведение советского автора, где художественное исследование жизни подменяется декларативностью. И убеждают всех и вся: вот, мол, эталон, которому КПСС заставляет следовать. А глубокую, что называется, острую книгу, написанную с партийных позиций, характеризуют как «отклонение» от нормы. Думаю, вы позволите мне обойтись без конкретных примеров: некоторые из сидящих в этом зале товарищей бывали жертвами подобных манипуляций.

Глубокая идейность, гражданственность и высокий уровень художественного мастерства — таково главное требование партии, народа к деятелям искусства. Именно на это ориентируют нашу творческую интеллигенцию и решения июньского (1983 года) Пленума ЦК, и ряд известных вам постановлений последнего времени по вопросам культуры.

Наше великое дело, наши гуманистические цели не нуждаются в бездумном славословии в рифму и прозой. Произведения, в которых оригинальная, свежая мысль подменяется, как язвительно замечал Щедрин, «хладным пережевыванием азбучных истин», лишь в насмешку можно назвать художественными. Плохо написанные книги и оперы, примитивно снятые

теле- и кинофильмы, аляповато сработанные скульптуры и картины не просто портят вкус миллионов людей. Они дискредитируют темы и идеи, за которые берутся их создатели. Так что против серости и безликости в искусстве надо бороться настойчиво и принципиально. И, разумеется, не может быть никаких поблажек проявлениям безыдейности или мировоззренческой неразборчивости.

Кстати говоря, не в том ли, товарищи, заключается беда иных наших критиков, что они подходят к делу односторонне и либо расточают комплименты слабому роману, спектаклю, фильму за «важность темы», либо умиляются «эстетическим находкам» идейно несостоятельного произведения?

Между тем наш отечественный, да и мировой опыт показывает, что великая литература, большое искусство не могут существовать без высокопрофессиональной, граждански ответственной критики. А это значит, что наша марксистско-ленинская критика должна не только точно оценивать те или иные произведения. Мы ждем от художественной критики большего. Умения обнажать глубинный общественный смысл проблем, которые затрагиваются в произведениях, поддерживать авторов, если они верно их ставят, аргументированно спорить с ними, когда они заблуждаются. Словом, наша критика должна помогать движению духовной жизни народа. Вот почему, как считал Ленин, необходимо «связать и литературную критику теснее с партийной работой».

Всем, кому партия доверила проводить ленинскую линию в сфере искусства, необходимо делать это умно, инициативно. А это значит — вести откровенный, принципиальный разговор с людьми творческого труда. Ни в коем случае не уклоняться от острых, волнующих художника проблем. Не перекладывать их решение на так называемые вышестоящие инстанции, уметь убедить, а если надо и переубедить собеседника. Без этого немислимо партийное руководство литературой и искусством. Это и делает его, по меткому выражению Горького, «морально авторитетной силой».

Товарищи! Политическое ядро, сплачивающая сила творческих союзов — работающие в них коммунисты. Они призваны последовательно утверждать дух партийности в художественной среде, активно влиять на идейную направленность творчества, способствовать формированию у деятелей литературы и искусства марксистско-ленинского мировоззрения, помогать становлению творческой молодежи. Особое значение имеет укрепление атмосферы высокой взыскательности и требовательности художников друг к другу. Это идет только на пользу и самим художникам, и искусству в целом.

Советская культура предстает сегодня как органический сплав духовных ценностей, создаваемых всеми нациями и народностями страны. И потому вполне понятно стремление писателя и художника, музыканта и архитектора опереться на многовековые культурные традиции своего народа, глубже и ярче отобразить жизнь своей республики. Вместе с тем художественная практика убеждает: чем теснее национальная культура связана с другими, чем интенсивнее вбирает она в себя те черты духовного и художественного опыта братских народов, которые приобрели интернациональное значение, тем быстрее и плодотворнее она развивается. Тем больший вклад она вносит в обогащение духовной жизни всего советского народа, всего нашего общества.

Дорогие товарищи! Прежде чем закончить выступление, хотел бы сообщить новость, которая, не сомневаюсь, всех вас порадует. За заслуги в развитии советской литературы, большой вклад советских писателей в коммунистическое строительство и в связи с 50-летием создания Союза писателей СССР Президиум Верховного Совета СССР наградил его орденом Дружбы народов. **[Бурные, продолжительные аплодисменты.]**

А теперь позвольте пожелать всем вам доброго здоровья, творческих успехов и вручить Союзу писателей высокую заслуженную им награду. **[Бурные, продолжительные аплодисменты.]**

В зале заседаний.

ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ ПАРТИИ И НАРОДУ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятидесятилетие Союза писателей СССР был посвящен юбилейный пленум этой творческой организации, состоявшийся 25 сентября в Москве. В Большом Кремлевском дворце собрались посланцы многонациональной советской литературы, представители всех творческих союзов. Здесь зарубежные гости — мастера слова из 33 стран Европы, Америки, Азии и Африки, руководители ряда международных и национальных литературных организаций.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, участники юбилейного пленума встретили товарищей К. У. Черненко, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарева, В. М. Чебри-

кова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева.

Слово было предоставлено Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. Собравшиеся приветствовали Константина Устиновича долго не смолкающей овацией. В заключение своей речи Константин Устинович Черненко огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Союза писателей СССР орденом Дружбы народов и под бурные, продолжительные аплодисменты прикрепил награду к знамени творческого Союза.

С докладом «50 лет служения партии и народу» выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

В перерыве между заседаниями.

Во время переговоров.

Фото Дм. Бальтерманца
и А. Гостева

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

25 сентября в Москву по приглашению Советского правительства с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Финляндии Калле Сорса.

На вокзале К. Сорсу встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров

СССР Г. А. Алиев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица.

В тот же день в Кремле состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым и Премьер-Министром Финляндии К. Сорсой.

ЗА ПОДВИГ РАТНЫЙ И ТРУДОВОЙ

За мужество и стойкость, проявленные трудящимися города Таллина в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, столица Советской Эстонии удостоена ордена Отечественной войны I степени. 22 сентября здесь состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Эстонии, Верховного Совета Эстонской ССР, Таллинского горкома партии и горсовета с участием представителей трудящихся и воинов Таллинского гарнизона, по-

священное 40-летию освобождения Эстонской ССР от фашистских захватчиков и вручению Таллину высокой награды.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

Тепло встреченный присутствующими, выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР В. М. Чебриков. От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства он горячо поздравил участников торжественного за-

седания, всех трудящихся республики со знаменательным событием.

С большим удовлетворением, подчеркнул оратор, выполняю почетное поручение товарища К. У. Черненко и передаю вам — мужественным участникам освобождения Эстонии, ветеранам войны и труда, всем труженикам республики его сердечные поздравления в связи с юбилеем.

Затем В. М. Чебриков огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Таллина орденом Отечественной войны I сте-

пени и под бурные аплодисменты прикрепил награду к знамени города.

С подъемом было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: во время вручения награды.

Телефото ТАСС

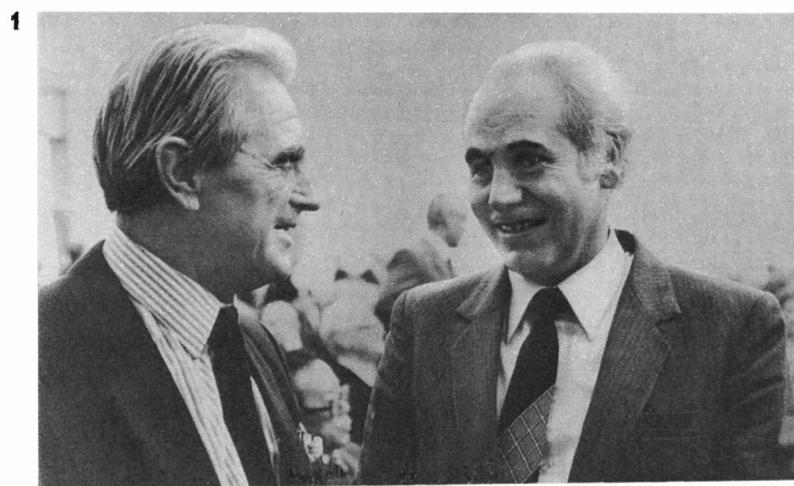
25 СЕНТЯБРЯ 1984 ГОДА.
БОЛЬШОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ.

◀ В зале заседаний.

1
Д. Олдридж (Великобритания)
и А. Окля Арсан (Сирия).

2
Д. Кугультинов и К. Яшен.

3
М. Ибрагимов и М. Алексеев.

ПОЧТИ ЖИЗНЬ ТОМУ НАЗАД...

Павел ДУБИНДА,
Герой Советского Союза,
полный кавалер ордена Славы

Мы сидим в траншее на высоком берегу, захватили вражеский пулемет, много патронов к нему, да и у самих боезапас нестраченный. Когда гитлеровцы очухались, пошли в наступление на нас со стороны деревеньки. Наверняка не думали, что тут всего восемь человек. Мы первую атаку отбили, минометчики с нашего берега помогли — им все поле между деревенькой и нами хорошо было видеть. После этого снова с нашей стороны кинулись солдаты вброд. Дружно кинулись, большими силами. И немедленно прилетели вражеские снаряды, как сетью, накрыли всю речку, запенилась вода. Были солдаты — и нету солдат. Которые вошли в речку, все там и остались.

А против нас гитлеровцы двинули шесть танков. Вышли они из деревеньки и на полной скорости прут к берегу. Тут уж, видно, крепко осерчали наши артиллеристы — открыли такой огонь, что за несколько минут пожгли эти танки, не дошли они до захваченной нами траншеи.

Тяжело это рассказывать. Три дня никто не мог к нам прорваться через брод. Сколько там ребят полегло — и все на наших глазах. Гитлеровцы, должно быть, поняли, что в траншее нас немного. Пустили два танка — один по ложинке, другой вдоль берега. Один наши артиллеристы сожгли, а другой прорвался. У меня даже противотанковых гранат не было. Прет это чудовище на траншею, вот сейчас одной гусеницей пройдет и никого не останется, как от тех, кто в речке.

У кого-то из ребят оказалась единственная бутылка с горючей смесью. Я ее схватил, выпрыгнул из траншеи и скатился в такое блюдце на прибрежном откосе — ямку, заросшую осокой. А танк уже рядом, обдал меня выхлопом и уходит... на ребят. Тут я подхватился и по моторной группе бутылкой. Стекло вдребезги, черный дым... И с таким тяжелым выдохом как пыхнет! Стали выскакивать из него танкисты, бегут мимо, а у меня даже пистолета нет, автомат в траншее оставил.

Три дня так продержались, на четвертый в ночь прорвались к нам человек двадцать во главе с лейтенантом. С ними девушка-телефонистка. Все из чужого полка. Наших, оказывается, еще вчера сняли, перебросили южнее, а сюда другая часть вышла. Лейтенант сразу говорит: «Будем атаковать деревеньку. Ты тут давно сидишь, расскажи моим, что к чему...» Пошел я по траншее. И вдруг бежит телефонистка: «Товарищ старший! (Погоны на мне солдатские, она не знает, как и обратиться.) Товарищ старший, лейтенанта убило!»

Вот те на! Я тут трое суток, а он и пяти минут не побыл. Подхожу — мертв уже лейтенант. Телефон затрещал, девушка протягивает мне трубку. Какой-то полковник с той стороны командует: «Бери пришедших и своих — чтобы через час был в деревеньке». Зло меня взяло. «Явился не запылиться», — думаю. Отвечаю, что людей тут нету и трех десятков — не получится атака. «Застрелю!» — кричит в трубку. Я ему в том же духе: «А ты сюда приходи, тогда застрелишь!»

Слышу, бушует он там. «Я, — говорит, — постараюсь прийти... а сейчас отвечай, деревеньку видишь из траншеи?» Оно хоть и ночь, но силуэты видны вдали. «Смотри, — кричит он в трубку, — куда снаряд упадет!» Вижу, пролетел над нами снаряд и шлепнулся далеко за деревней. «Перелет», — говорю. Летит и па-

дает второй. «Теперь, — говорю в трубку, — надо брать левее». Наконец, положили они один снаряд точно на деревеньку. «Стоп! — кричу. — В точку попали». Тогда они такой огонь открыли, что размели деревеньку и все, что там было, как гороховые фигурки. Этот злой полковник понял, должно быть, что огонь по броду вели оттуда да и корректировщик или наблюдатель вражеский там где-то сидел.

После такого артналета мы, конечно, «Ура!» — и вперед. Захватили деревушку. День пробыли в ней, а ночью нас немцы выбили... Лишь в конце четвертых суток началось наступление и деревушку заняли прочно, на эту сторону прорвались наши части. С тем полковником встретиться не пришлось. Из штаба нашего полка прислали парня, и он увез меня и тех ребят, что первыми прошли по броду.

Вскоре после этого боя мне вручили орден на Славы сразу третьей и второй степени. Представляли к наградам давно, на третью раньше, на вторую позже, но где-то по пути от фронта до Москвы награжденные бумаги встретились, или в Москве до фронта встретились коробочки с моими орденами. Надел я их — приятно, конечно. С неделю поносил — привык. А в первом же бою потерял. Застежки были неважные. И, если честно признаться, не очень сожалел о потере, не до того было.

Я, сказать по правде, уже тогда не помнил, за какой бой, за какое дело наградили одним, за какое — другим. Сколько их после того было! Каждый новый бой, каждый поход за линию фронта заслонял собой старые события. Полковник разведка, да еще в таком огромном наступлении, не оставалась без дела. И случилось, с таким трудом добудешь «языка», а он окажется всего лишь бесполом извозным. В другой же раз без особых хлопот приволочешь штабиста. Ведь тащишь — и в прямом и в переносном смысле — кот в мешке! Однажды мы пошли за «языком», а привели с той стороны... тридцать немцев во главе с офицерами. Начальство расценило это как подвиг, а нам просто повезло: немцы сами подумывали о том, чтобы сложить оружие, но не знали, как это сделать. Появление десятка разведчиков лишь помогло им осуществить свой план.

Побывал я и в офицерском звании. Но, правда, недолго.

VIII

...Весной сорок пятого, в Восточной Пруссии, мой взвод полковой разведки получил одну из редких передышек. Начало марта, первое солнышко... Расположились мы на опушке — блаженствуем. Одни байки травят, другие дремлют, чуть ли не мурлыча от удовольствия.

Смотрю — глазам не верю: идет свита во главе с генерал-полковником! Не к нам идут, но рядом. Наш командир полка в этой свите почти младший. Куда деваться? Командую: «Встать! Смирно!» Подбегаю и рапортую: «Товарищ генерал-полковник! Взвод разведки 293-го гвардейского стрелкового полка занят изучением трофейного пулемета. Командир взвода гвардии рядовой Дубинда.»

Он посмотрел на меня, на моих «орлов», молча повернулся к нашему командиру дивизии и спросил:

— Если бы ты был рядовым, тебя в дивизии кто-нибудь слушался бы?

Комдив промолчал, а что он мог, если ответ уже содержался в самом вопросе... На следующий день меня вызвали в штаб и выдали погоны младшего лейтенанта, а маме выслали аттестат на восемьсот рублей.

На свое последнее боевое задание я шел уже офицером. А дело было так. Фронт на какое-то время стабилизировался. Но когда из нашего тыла к переднему краю подходили значительные цели: танки, артиллерия или войсковые подразделения, — по ним с той стороны открывали бесеный обстрел тяжелые минометы. Наши артиллеристы пытались определить, откуда бьют, но ничего не получалось. Вот вроде бы засекали, откуда летят мины, выпускают по тому месту десятки снарядов. Все. По расчетам, живого места от вражеских позиций не осталось. Но появляется на нашей стороне значительная цель — и снова бесеный налет, да стреляют точно... Терроризировали они наш передний край. Уже и самолеты-разведчики летали, все высматривали, где же их минометные позиции, ничего не нашли. Как из-под земли бьют.

Послали меня с ребятами искать этих призраков, а если они даже под землей — все равно найти и дать точные координаты. Примерно все мы знали, что расположены они где-то неподалеку от озера — было такое за передней линией вражеской обороны. Перешли мы линию фронта в верховьях этого озера, через болота. Погодку выбрали похуже, с дождем и ветром. А дальше, уже по вражеским тылам, брели с большой опаской. Если они так хорошо спрятались, то кто кого первым обнаружит: мы их или они нас? Еще был план, что, если ночью не отыщем, останемся на день, спрячемся у озера и попытаемся обнаружить, когда они начнут стрелять.

Только прибегать к этому плану не пришлось. Началась стрельба, и мы увидели вспышки на самом озере. Мины вылетали и уходили на нашу сторону прямо с водной глади! Немцы придумали такую хитрость: поставили на озере плоты, притопили их, чтобы вода покрывала бревна полностью, сделали с берега к ним трапы и тоже на несколько сантиметров ниже уровня воды. Пройти по ним в сапогах легко, а сверху, даже с самолета, ничего не видно. Минометы расставили на плотках так, чтобы они оказались под деревьями. Опорные плиты притоплены, а стволы, как пенки на отмели, у берега, заросшего раютами. Не подкупаешься. Наши тут снарядами все балочки вокруг озера перерыли-перепыхали, а в воду стрелять никому и в голову не пришло!

Мы эту загадку разгадали, увидели траншею, что вела от самого берега под деревнями, и вход в блиндаж... Обрадовались и пошли обратно. По дороге встретили пароконную подводку с фуражиром и фельдфебелем — продукты в часть везли. Мы, конечно, сопровождавших уничтожили, хорошо поужинали и на радостях как-то расслабились. Идем довольные, гордость нас распирает: такой секрет бы ведали! И так от невидимости сбился с пути. Все же дело было ночью и в чужом тылу, на чужой земле. Наткнулись в траншеи, которых с вечера вроде бы не было. А ходило нас тогда девять человек.

Один из моих разведчиков вдоль траншеи топает с автоматом наготове: может, где ниша или ход в укрытие — чтобы не прозевать. Слышу: тихо свистит. Я — к нему. Показывает, что траншея заманчивается низенькой дверцей — входом в блиндаж. Спрыгиваю вниз, пригибаюсь возле двери, прислушиваюсь. Тихо. И свет не горит внутри. Приоткрыл дверь. А у меня в одной руке автомат, а в другой граната — все наготове.

— Никого нет, — сообщая ребятам. Поворачиваюсь, и тут меня кто-то сбивает с ног. Боли не почувствовал, только сильный толчок. Уже падая, швырнул в блиндаж гранату. Взрыв! Ребята попадали в траншею, ворвались в блиндаж, а там двое, но граната их уже распотрошила... Оказывается, они затаились, и когда я повернулся, чтобы уйти, один не удержался, выстрелил. Пуля вошла сзади чуть выше подколенной выемки и наискосок сделала дырку через все бедро.

Подхватили меня разведчики на плащ-палатку — и давай бог ноги, поскорее прорваться через линию фронта, к своим. Тяжело выносили меня ребята оттуда, с той стороны. Но вынесли. Получив от нас сведения, артиллеристы уже поработали... Они из этого озера сделали уху — вместе с минометами и минометчиками.

Мое ранение оказалось серьезным. Провалился я по госпиталям несколько месяцев, был такой период, когда не знал: на двух ногах выйду, на одной и выйду ли вообще из палаты? Самый, пожалуй, кризис был, когда все праздновали Победу. Меня эта радость обошла, а потом достигла уже задним числом. Вместе с нею и горечь: узнал, что два моих брата погибли на фронте. Кто имел старшего брата, тот поймет такую потерю...

В конце июня 1945 года, когда я лежал в госпитале в Москве, недалеко от Арбатской площади, когда уже мои дела определенно пошли к лучшему и я шкандыбал (но на своих!) по палате, ко мне с цветами и поздравлениями пришли сестры, врач, даже какое-то

Сэрээтэрийн Давгадорж. Род. 1955. АРХИТЕКТУРА. 1984.

Выставка дипломных работ выпускников Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова

М. Вишняк. Род. 1960. КЕРАМИСТКА. 1984.

Выставка дипломных работ выпускников Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова

начальство отделения. Оказывается, вышел Указ о присвоении мне звания Героя Советского Союза.

В госпитале у меня никаких наград не было. Два ордена Славы потерял в первом же бою, другие, как говорится, уже выписанные и пронумерованные, еще разыскивали меня. А тут сразу Звезда Героя! Зауважали меня, даже определили в двухместную палату. Но поскольку там вторая койка оставалась пустой — скучновато мне стало, хоть просись обратно в общую, где уже с ребятами перезнакомился. Возможно, что и попросился бы, но тут привозят мне соседа — на колясочке, в сопровождении целой свиты. Он ругается, говорит, что покалечить человека и дурак может, а медики должны лечить и что ноги ему еще нужны...

Его успокаивают, вежливо так, обещают пригласить профессора, самое главное светило в этом деле. И правда, вскоре, не то к вечеру, не то на следующий день, появляется у нас в палате старичок. Неваженький. На вид, конечно. А специалист, может быть, он хороший. Стал уговаривать моего соседа, просил успокоиться и по части ног обнадежил... Действительно, после операции соседу стало лучше, и ноги у него не отняли. Потом мы познакомились, стало мне казаться, что я где-то видел этого человека. Он, должно быть, почувствовал такой вопрос в моем взгляде... Слово за слово, лежим же в одной палате, и вскоре сосед знал про меня почти все, а я о нем ничего. Когда я вспомнил, как сидел в симферопольском лагере, где площадка была размечена на квадраты, он засмеялся.

— Помнишь,— говорит,— немецкого офицера, который искал знатоков местности под Новороссийском?

Тут я понял, что это он и есть! Сколько лет с тех пор прошло, почти целая жизнь, а мне до сих пор наша встреча в госпитале кажется невероятной. Мой сосед по палате оказался советским разведчиком, а в госпиталь он попал потому, что неудачно приземлился, когда прыгал с парашютом, поломал обе ноги и долгое время оставался без медицинской помощи... Он мне многое потом объяснил, многое рассказал. В общем, я не из боязливых, но на его месте, в его шкуре, думаю, что не смог бы.

Осенью я демобилизовался и приехал домой. Устроился помощником капитана на один катерок... Нога у меня не сгибалась еще. А время было... Тяжелое — не то слово. Простого куска хлеба не хватало. Голодали многие. Раздетые, разоренные... И я не каждый день был сыт — это если говорить честно. В сорок шестом вызывают в военкомат и вручают орден Богдана Хмельницкого III степени и орден Славы первой степени. Военком замечает:

— Первая степень «Славы» без третьей и второй не выдается. Где они у тебя?

— Потерял,— говорю.

Военком написал в архив, пришла бумажка, подтверждающая, когда и за что меня награждали орденами Славы. Но и это не все. Пришлось еще писать командиру моего полка, чтобы он дал свое подтверждение. В конце концов прислали мне утверженные в Восточной Пруссии ордена и... под теми же номерами. И еще военком разбирался с моим званием. Я ведь какое-то время носил погоны младшего лейтенанта. Спрашивает он, какое у меня военное образование, какие курсы или хотя бы сборы кончал. Никаких. Думал он, думал... Ты, говорит, был старшиной катера на флоте, вот тебе и запишем в военный билет — старшина. Так меня и вывели из офицеров.

Собрал я свои награды, сложил их в коробочку и пошел наниматься на новую работу. Был тут в районе совхоз от организации «Каракульэкспорт», имел свою парусно-моторную посудину — чуть побольше дубка «Другбратец», которым владел когда-то мой отец. Стал я на этой посудине шкипером. Не скажу, что особенно увлекала такая работа, зато в совхозе, кроме хлеба по карточкам, можно было иногда купить килограмм крупы или какого-нибудь жиру. А это значило больше чем зарплата.

Вспомнился мне этот совхоз потому, что в нем произошла еще одна встреча... Правда, не такая фантастическая, как в госпитале, и, конечно, менее приятная.

Сижу в кабинете директора — по делам зашел. Появляется франт — в кожаном реглане, шалевый каракульевый воротник, такая же папаха, все на нем скрипит и благоухает. Отдает он директору совхоза свои указания и вдруг обращается ко мне:

— Семенкин-Дубинда?

— Он самый,— отвечаю с удивлением.

— Это же,— говорит,— ты со мной бежал от немцев из Очакова? По ночному морю на шлюпке?

Теперь я узнал в нем агронома, который не умел за весло держаться. А он еще что-то сказал директору и вышел. Даже не оглянулся.

— Откуда ты его знаешь? — спрашивает директор.

Я рассказал. Директор покачал головой.

— Он теперь большой начальник. После того, как ты его на своем горбу, можно сказать, вывез из плена, мог бы и поинтересоваться, не надо ли тебе чем помочь... Ну, хоть бы спросил, как ты, что ты? — не мог успокоиться директор совхоза. — По виду можно понять, что ты не процветаешь.

Мне, конечно, ничего от него не было нужно, разве что посидеть, поговорить... ведь такой рискованный путь проделали вместе! Я его, этого агронома, через несколько лет снова встречал. Прогорел он на высокой должности, снова стал таким несчастным, даже просил у меня кое-какого содействия. Только теперь уж я его к себе на борт, фигурально выражаясь, не взял.

В 1955 году я стал работать боцманом на китобойце из флотилии «Слава». Должность эта хлопотная, вся хозяйственная часть судна на тебе, весь порядок — тоже. А каждый рейс продолжался около восьми месяцев. Весь мир обойдем, в Австралию побываем, в Южной Америке, нахлебавшись холодной воды в Антарктике, пока придет долгожданный момент: задание выполнено, сезон закончен, курс — к родным берегам.

Во время промысла, кроме прочих обязанностей, у боцмана китобойца была еще одна: сидеть в бочке на мачте и высматривать китов. Два часа дежуришь — четыре другой работой занимаешься. А в бочке, на мачте, когда судно болтает так, что оно чуть ли не набок ложится, сидеть неудобно. И ветер минусовой температуры и мокрый. Чувствуешь себя, как горошина в свистке, которую вот-вот выдует. В первом рейсе у нас еще были комбинезоны на гагачьем пуху. Они быстро изнасились. Потом появились комбинезоны с электроподогревом... Качнуло вправо — есть контакт — включился, понесло тебя вместе с бочкой влево, того и гляди об воду шлепнет, — нет контакта. А когда в бочку несколько раз влезешь, комбинезон уже во многих местах рваный. Не поймаешь — греет он тебя или током щиплет. Отказались от них. Поняли: нет ничего удобнее, чем сидеть в бочке в обычной стеганой ватной фуфайке. А что холодно, так это дело привычки.

Шторм семь-восемь баллов, норвежцы не промышляют, японцы тоже, а мы охотимся. Самое трудное дело в такую погоду — поднять кита на палубу. Он уже к борту ошвартован, лебедки настроены, ловим момент, когда судно в его сторону накренится... В это время все на палубе. И вот нужный момент — и все по пояс, а то и по шею в ледяной воде. И так несколько раз за день.

Многие города и страны повидать привелось: Кейптаун и Монтевидео, Рио-де-Жанейро, Мельбурн... В Веллингтоне, в Новой Зеландии, мы вообще были первыми советскими моряками, посетившими этот порт. В конце 50-х годов во многих далеких странах люди смотрели на нас как на пришельцев с другой планеты. «Холодная война» была в самом разгаре, местные газеты писали про нас и про нашу страну такое, что сам барон Мюнхгаузен не придумал бы. А мы одним своим появлением разрушали многие неправильные представления. Уже одно то, что мы, советские, такие же люди, поразило. Не голые и не босые, умеем улыбаться, довольны собой и друг другом... На нас смотрели так, как будто получили возможность своими глазами прочитать страшно засекреченный документ. Если к тому же узнавали, что кто-то из нас

коммунист, его чуть ли не ощупывали. Оглядываясь на те годы, скажу с уверенностью, что мы достойно представляли нашу Советскую Родину.

Весь мир повидал я, со всеми флагами встречался, есть у меня материал для сравнений... Мы добры и терпимы. Порою даже излишне терпимы. Помню, каким бедствием для боцмана был каждый проход по Суэцкому каналу — я говорю о тех, 50-х годах. Кроме лоцмана и других чиновников, нам давали на борт еще и местную аварийную команду. Вроде бы, если что случится, эта команда вручную оттащит судно в сторону, чтобы не мешать движению по каналу. Глупость, как я считаю, просто лишняя статья, по которой с проходящего судна можно содрать хорошие деньги.

И вот садится на борт босоногая орава, которая в пять минут способна разговорить все, что плохо лежит. Тут уж команда с палубы не уходи. Вызывающий у тебя сострадание полуголый «товарищ» смотрит тебе в глаза, улыбается, а сам в это время босой пяткой медную пробку, которой закрыто сливное отверстие, из палубы вывинчивает...

Стоим в Бейруте. Заказали на берегу печеный хлеб, пополняем запас воды, продуктов... Подъезжает проныра посредник на мотофургончике. Сам, значит, верхом на мотоцикле, а позади — изювов на двух колесах. Хлеб привез — длинные батончики. Пощупал я один из них, а он как дерево, недели две назад испечен. Куда деваться? Деньги уже уплачены. Сгрузили...

Рядом стоит англичанин, борт к борту с нами. Вскоре и ему хлеб привозят — этот же самый посредник. Выходит повар в белом чепце, из открытой двери фургончика достает батон, пробует придавить его пальцем. А он такой же, как и у нас. Тогда повар берет батон в правую руку как палку и давай им бить по щенам этого жулика, посредника. Тот же и увернуться не пытается. Поработав как следует, повар бросил батон обратно в фургон и удалился. А посредник с распухшим лицом вскакивает в седло и — фр-р-р! — исчезает. Минут через пятнадцать возвращается и бежит к повару. Трт берет батон, легко сжимает его, а аромат и к нам на палубу доносится... Тогда кивает — сгружай, мол.

Подобных случаев можно вспомнить немало. Конечно, я не за то, чтобы поступать так, как сделал английский повар. Тут у них, можно сказать, большой колониальный опыт. Но и мои собственные действия вряд ли можно одобрить. Я поставил себе вопрос так: вот этот делегата посредник сравнил меня с англичанином?

Десять лет ходил я на китовый промысел, пока позволяло здоровье. Потом перешел на пенсию. Мое прошлое не дает мне скучать: пишут друзья, иногда мы встречаемся... Приглашают выступать перед молодежью. Вот уже нынешней весной бригада Ивана Чернобая с Херсонского комбайнового завода ввела меня в свой состав почетным резчиком металла. Должность вроде почетная, но зарплату начисляют до трехсот рублей в месяц и переводят в Фонд мира.

Не обходят меня и общественные заботы родного села. Я тут и живу постоянно — в глинобитной хате, под камышовой крышей. Считаю, что для большого человека это самые хорошие условия. Прямо напротив моей калитки причал. Возжусь в сад, несколько раз в день вижу, кто приехал, кто уезжает. Есть у меня и свои лодки, только все труднее рыбачить. Чаше обходимся тем, что жена моя, Валентина Аркадьевна, выйдет на причал, постоит часок с удочкой, худо-бедно пару килограммов поймает. А нам на двоих больше и не надо.

Есть у нас квартира и в Херсоне. Нормальная городская квартира, только перебираемся мы туда уже на зиму, к батареям парового отопления. А в марте — снова в село: надо ухаживать за садом, виноградником, и дышать хочется простором. Жизнь мне послабления не дает. Вот уже сколько лет я начинаю каждый свой день с того, что делаю себе два укола, и то же самое перед сном. Не хочу, чтобы кто-то чужой видел мою немощность...

Нынешним летом мне исполнилось семьдесят. Оглядываясь, должен сказать, что судьба меня не обидела: ведь сколько ребят осталось в Севастополе, на полях Белоруссии, Польши, тех ребят, которые шли рядом со мной. Не остался я безвестным для Родины, а наше село Прогной по праву получило новое имя — Геройское. В этом новом — и навсегда! — имени хоть одна буква, но моя!

Лариса Игонина вспоминает.

Сергей МАРКОВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА

ПРОКУРОРЫ, СЛЕ

Вступительные экзамены. Сочинение, история, литература, иностранный язык. Объяснения, списки на дверях и на стенах, телефонные звонки в приемной комиссии, радость, слезы... В общем, все как в любом другом институте.

Лишь одно отличает вступительные экзамены в ВЮЗИ, Всесоюзном юридическом заочном институте. Разнообразие абитуриентов. У подоконника в коридоре можно увидеть прорастающих учебник молоденькую девушку, совсем недавно еще танцевавшую на выпускном вечере в школе, и директора крупного завода, у которого, кроме экзаменов, еще масса забот в Москве — в министерствах, управлениях... Можно увидеть мастера спорта международного класса и секретаря исполкома, офицера-пограничника из Забайкалья и инспектора ГАИ с Дмитровского шоссе...

— Наш институт, — рассказывает ректор ВЮЗИ, заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор Борис Викторович Здравомыслов, — готовит юристов высшей квалификации самого широкого профиля. Юристов, которые могли бы работать в органах юстиции — в суде, арбитраже, нотариате, адвокатуре. В прокурату-

ре. В Министерстве внутренних дел и Комитете государственной безопасности. Кроме того, в народном хозяйстве, в исполкомах Советов народных депутатов...

Большинство поступающих в ВЮЗИ — так называемые «профильники». Тех, которые не работали в юридической сфере, не имеют льгот при поступлении, — таких около пятнадцати процентов. Они сразу выделяются в коридоре и во дворике у входа в институт. Коротенькие яркие юбочки, белые, голубые, розовые колготки, туфли без каблучков и на высоченных каблучках.

Поступают в ВЮЗИ и люди с высшим образованием, которые решили поменять профессию. Таких немало. Ответственный секретарь приемной комиссии Сергей Александрович Солдатов рассказывает нам, что, как это ни парадоксально, не всегда абитуриенты с высшим образованием блещут на экзаменах. Скорее наоборот. Ведь уже на первом курсе учебный план ВЮЗИ не совпадает с учебными планами большинства других вузов. Изучается шесть специальных дисциплин. Поэтому люди даже с высшим образованием сдают экзамены на общих основаниях.

— В некотором смысле им даже трудней, — говорит профессор Анатолий Алексеевич Безуглов. — Нередко наблюдается облегчен-

ное отношение к вступительным экзаменам. Подумаешь, дескать, школьная программа... Раз плюнуть... Вот и написал один кандидат наук сочинение на единицу. Но на следующий год снова пришел. Мы его даже отговаривали — мол, лучше бы докторскую написали за те годы, что хотите у нас учиться... Нет, ни в какую.

...После экзамена по истории разговорились с высокой энергичной женщиной, вокруг которой мы заметили, всегда собирается много народу: спрашивают, слушают, смеются...

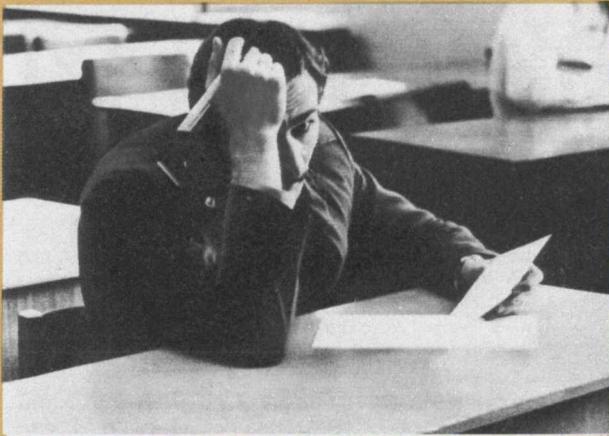
Ольга Александровна Окулова, приехавшая из Ленинградской области, работала медсестрой, ученицей оператора почтовой связи, страховым агентом. Окончила Ленинградский финансово-кредитный техникум. Работала бухгалтером. Ее избрали секретарем исполкома сельского Совета, а два года назад — председателем исполкома Большеколпанского сельского Совета народных депутатов. Входит в Совет шестнадцать населенных пунктов. Крупные совхозы, промышленные предприятия, больницы, школы, детские сады, много новостроек...

— Двенадцать тысяч человек! Приходят в сельсовет по самым разным, порой вовсе не ожидаемым вопросам. Вторник у нас — приемный день. Так вот за этот день больше ста человек, пред-

ставляете?! И жилищные вопросы, и оформление наследства, и споры разные, конфликты между соседями, и льготы для инвалидов, участников войны, и условия работы на новых, только еще строящихся предприятиях или недавно пущенных! Все что угодно! А отношения с начальством, руководителями предприятий, совхоза — сколько это все требует нервов, выдержки, а главное, знаний! Ведь большинство наших бед оттого, что мы законов не знаем! Не знаем своих прав. И ни одного юриста у нас в сельсовете. Ни одного! Вот поэтому у сейчас с вами здесь и разговариваю.

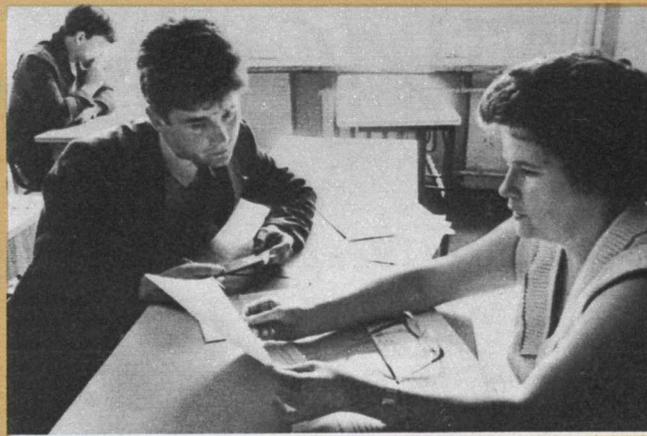
Позже мы узнали, что сельсовет, которым руководит Ольга Александровна, впервые сейчас занял первое место в Ленинградской области.

...— Исполкомы очень и очень нуждаются в юристах, — говорит нам ректор института Борис Викторович Здравомыслов. — Вы знаете, что среди работников исполкомов лишь три процента юристов? Обязанности их выполняют педагоги, инженеры, секретари, даже врачи. Это, конечно, ненормально. В нашем институте на двенадцати его факультетах, которые, кроме Москвы, находятся в Горьком, Оренбурге, Хабаровске, Магадане, Вологде, Кирове, на Камчатке, в Ставрополье, Ульяновске, одновременно учится

Несчастливый билет.

больше девятнадцати тысяч человек. Если бы на карте страны пометить города, деревни, села, в которых работают юристы с нашими дипломами, то не осталось бы свободного места. Кроме всего прочего, наш институт — методический, научный центр для всех юридических учебных заведений. У нас работает тридцать два профессора, доктора наук, двести шестьдесят пять доцентов, кандидатов наук. Крупные ученые, авторы учебников, пособий... Но даже нет своей типографии. Приходится вертеться, просить. Это, конечно, создает большие трудности. Вообще с юридической литературой дело обстоит худо. А ведь заочников-юристов подавляющее большинство. Да и из этого старого здания мы давно уже выросли.

Еще один экзамен.

Инспектор ГАИ Виктор Пашко в затруднении.

Для перечисления всего того, что делает Всесоюзный юридический заочный институт: курсы повышения квалификации, консультации, постоянные непосредственные контакты с практическими работниками, кустовые занятия на местах, вечерние курсы, — не хватило бы многих страниц.

...Вступительные экзамены в ВЮЗИ длятся несколько месяцев. Но время летит — и вот экзамены закончились. В этом году конкурс был как никогда напряженным.

— Более четырех тысяч человек прошли конкурс и приняты на факультеты правоведения, советского строительства, — говорит Борис Викторович Здравомыслов. — Особенно приятно отметить, что в этом году поступало много абитуриентов, уже имеющих опыт юридической работы...

Ректор Всесоюзного юридического заочного института Б. В. Здравомыслов.

ДОВАТЕЛИ, АДВОКАТЫ...

Нужно посоветоваться.

ПИСЬМА ИЗ ЮНОСТИ

Инна АЛЕКСАНДРОВА

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Начало августа 1981 года. Москва

Это письмо пришло во вторник, а сегодня четверг. Судя по письму, девочка не готова к поступлению в московский институт.

Предложить ей жизнь без прописки или работу по лимиту?

В конце Леночкиного письма строчки Тамары: «Маша очень больна. Помогите! Во имя вашего прошлого».

Прошлое...

Конец августа 1949 года. Приозерск

«Как давно расстались мы с тобой в темноте без фонарей и звезд...» — хрипит утесовским голосом мой патефон, а твои колеса отсчитывают: стук-стук, стук-стук, стук-стук...

Расстались мы с тобой недавно, а фонарей и звезд точно не было.

А были карагинские парни, которые сразу потянулись к тебе, как мотыльки на свет.

А с тобой должен был быть я. Я — и никто другой.

Если бы не зима 48-го...

Но разве мог я поступить иначе? Ведь она была такая маленькая — чуть не по пояс мне. А эта сволочь ясно чего хотела...

Нужно было бить его, а я, слюнявый интеллигент, разговоры начал разговаривать, наклонил ее поднимать.

Вот и врезал он мне бутылкой по башке.

Ирина Николаевна, когда в больнице уже пришел в себя, сказала: ты очень счастливый, Сереженька...

Наверно, счастливый, если выкарабкался из абсцесса мозга.

Ирина Николаевна потом все объяснила мне на рентгеновском снимке. Знаешь, я умею читать рентгеновские снимки. Это здорово интересно.

И хоть мать шипела, что операция сделана неудачно, я-то понимаю теперь: если б не Ирина Николаевна, лежать бы Сереге Скворцову в сырой земельке...

Я тогда влюбился в твою мать. Смешно, конечно: семнадцатилетний юнец и сорокалетняя женщина, но когда она в своей белой шапочке с выбившимися темно-каштановыми волосами появлялась в палате и огромными синими глазами смотрела на меня, казалось, боль куда-то уходит...

Знаю, Ирина Николаевна хочет, чтобы я стал врачом, говорит, толк из меня получится. Да и сам я склонен в это верить. Так что потерпи, Анютка. Самую малость потерпи.

Один год, всего год. Ну что он по сравнению со всей жизнью?

Помнишь: «О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благодатную весть,
О верю, верю, счастье есть».

Только «есть» нужно заменить на «будет»...

Да, а девочка эта, Рая, потом ко мне несколько раз в больницу приходила. Маленькая такая. Хотя ей шестнадцать. На заводе в гидролизном работает. Отец погиб. У матери их четверо, она старшая. Семь классов окончила — и на завод. По-моему, хорошая девочка.

Ну, ладно, ладно, не дуй губы. Я же вижу, что надула.

Вчера с вокзала пошел на наши камни. Не-

бо голубое-голубое. Тихо. И озеро — как огромное блюдо.

Знаешь, в такие минуты мне кажется, нет ничего красивей нашего городка.

Анка! Скоро, скоро, как вчера в вагоне, я возьму в ладони твое лицо, долго-долго буду смотреть, а потом...

Сентябрь 1949 года. Приозерск

Ну, наконец ты добралась: четверо суток в поезде, две пересадки. Устала?

А брата своего не жалеешь. Подумаешь, прошелся с сундучком до трамвая. Ну и что, что в форме? У нас ведь чемоданы не продаются.

Опечален, что не дали общежития.

Ань! А нельзя другую квартиру поискать? Я так и вижу этого поганца, который сжирает у вас с Галей последнее. Может, поищите?

Рад, что сразу попала в начальники: староста группы — это, наверно, большой чин... Ладно. Ты ведь знаешь, не падок я на почести, хотя, наверно, всякому приятно, когда работа его по заслугам оценивается. Но ведь работа...

Отец, несмотря на всю свою теперешнюю замкнутость, раз пять спрашивал, нет ли от тебя письма. И очень обрадовался, когда я сегодня пришел в его каморку — по-прежнему «плавает» в дыму, окна-то нет — и прочитал все твое письмо. Почти. Не дуй губы. Не маленький: понимаю, что можно, а что...

Знаешь, Петр Дмитриевич — видишь, родного отца по имени и отчеству называю, — по-моему, очень любит тебя. И не только потому, что ты ему симпатична просто как человек. В тебе он, наверно, хочет увидеть воплощение своих несбывшихся надежд.

Тетка рассказывала, что когда он поступал в Петербургский университет и был восторженным мальчиком, то мечтал о карьере ученого-филолога. Но в 1914-м его забрали на фронт, а через полгода ранили. И когда домой под Петроград вернулся, дедушки уже не было, а бабушка едва жива была. Тетке всего пятнадцать. И хоть вроде бы из дворянского рода, а за душой у них ничего, ну, совсем ничего не было. Последние золотые безделушки на еду променяли.

В Саратове, зимой 1917-го, когда стал преподавать в школе и получать какую-то зарплату, полегчало, но голод в Поволжье пригнал их в Приозерск.

Вот тебе и карьера ученого-филолога...

Про себя не знаю, что и писать. Вчера вечером шел с озера. Впереди — какие-то девчата. Вдруг затянули «Тоску по Родине». И так мне, Анка, тошно стало, что хоть возьми и напейся.

Ну, ну! Не хмурь брови! Подумаешь, один раз написал, теперь всю жизнь вспоминать будешь... Я себя умею в руках держать, не беспокойся.

Сели со Славкой опять вместе. То-то моя маменька не нарадуется. Уж такой воспитанный, такой корректный молодой человек. Картинка! Подтянутый, аккуратный, а глаза-буравчики так и сверлят, так и сверлят...

Не подумай, что я в чем-то завидую ему. Скорей наоборот. Но если у Славкиной матери это угодничество переходит в какую-то очень строгую исполнительность, за что и ценит ее Бронислав Иванович в качестве секретарши, то Славка угодлив так, как были, наверно, угодливы хорошо вымуштрованные умные лакеи. Он далеко пойдет... В военное училище собирается. Но это, наверно, правильно: отца нет, матери одной тяжело.

Был вчера у твоих — ноги сами несут. Не понравился мне Бронислав Иванович: бледный и дышит тяжело.

...Впервые за время нашей разлуки видел тебя во сне. Снилось, стою на перроне. Продрог — сильный мороз. Подходит поезд. Я не знаю твоего вагона. Все вышли — тебя нет. Вдруг от самого последнего — ты. В той ша-

почке, что я так люблю. Я бегу, бегу и все никак не могу тебя обнять...

Вот ведь приснится!

Октябрь 1949 года. Приозерск

Вчера Ирине Николаевне отмечали сорок четыре. Красивая она женщина, ей-богу! И хромота не мешает, хотя маман как-то прошлась на этот счет... Завидует она Ирине Николаевне.

Никогда мои родители не любили друг друга. У матери ведь был парень, из богатых. Уехал куда-то. Тетка как-то сказала: сослали. А в двадцать четвертом они с отцом встретились. Мать в это время уже в горисполкоме работала. Отцу некуда было деваться — ни кола ни двора. У матери — дом, она ведь из местных. Вот и сошлись. А в двадцать пятом Юрка родился.

...Вчера с Ириной Николаевной под мою гитару «Письмо к матери» пели. Знаешь, честная компания — было человек пятнадцать — на «бис» потребовала. Вот так! Из лекарей выгонят — в артисты подадимся.

Как хорошо мне всегда у вас! Только вот тебя, мой воробей, не хватало. Мы несколько раз за ваше, мадемуазель, здоровье рюмки поднимали.

Уехали в Ленинград Юра с Лелей. Пробыли всего три дня. Привезли Вовку. Конечно, ребенку всего два года, а мать Лели далеко от Рязани живет — на попутных машинах или на лошади — пять-семь часов. А вдруг ребенок заболит? У них в деревне нет даже медпункта.

Вовка очень забавный малый. Сейчас бегаёт в одной рубашонке, лупит меня линейкой и твердит: «Тлельчей, ты спляла...»

Тетке трудно с ним будет — ведь уже к пятидесяти. И весь дом на ней. Мамочка моя в смысле женских дел палец о палец не ударит. Не то что Ирина Николаевна. И Томку такой же бездельницей растит.

Я, как могу, помогаю: вода, дрова, уголь. Но готовить, стирать, убирать тетка мне не доверяет. На днях взялся помыть пол — шум подняла. Не мужское дело, видите ли. А женское дело горбиться, как она? Ведь света белого не видит. У нее же никаких подружек нет, никуда не ходит: работа, работа, работа...

Знаешь, а математику она здорово знает, хотя только шесть классов гимназии окончила. До сих пор Томке задачки решает. И мне в младших классах помогала. Наверно, у нее к математике способности большие, и если б не жизнь... Она ведь только в двадцатом — двадцать четвертом немного на почте поработала, а как Юрка родился, ее сразу в няньки определили.

И ведь до сих пор симпатичная. Высокая, как отец, только если б не такая худая. И волосы красивые — густые. А глаза у них с отцом совсем одинаковые — детские, голубые.

...Вчера Любовь Дмитриевна, моя милая тетушка, заставила нас с отцом прогуляться. Знаешь, куда? За можжевельником. В этом году шишкоягоды необыкновенные — огромные, блестящие, иссиня-черные, с восковым налетом. Теперь на всю зиму квас и настрочка для Петра Дмитриевича будут. Очень он это уважает...

Верно, они и вправду полезные. Вместо чая хорошо. Вот только руки искололи здорово. А красотища, Анка, — дух захватывает! Лес еще не весь облетел — золотом полыхает.

...Ань! Мне невозможно не понравился тон твоего последнего письма. Понимаю, ты одна. Но потерпи, дружок! Мы обязательно скоро будем вместе. Год, всего год...

И на вокзале утренней порою
С тоской и радостью прижму к своей груди
И любоваться долго буду я тобою...

Нет, стихоплет из меня явно не получится, хотя иногда тянет заняться этим делом.

А вот ты очень худая на фотокарточке получилась. Почему мне не прислала? Больше не было? Очень прошу: ешь побольше.

Помнишь симоновское «Жди меня»? Я каждый день тебе читаю его потихоньку...

Ноябрь 1949 года. Приозерск

Ну какое у меня перед тобой преимущество? Только то, что я в родном доме? Так вот знай: ты хочешь к папе с мамой, а я бы глаза завязал...

Ань! Не сердись. Просто сегодня опять был безобразный разговор, отвратительная сцена.

Ты ведь, конечно, не успела забыть Серафиму Павловну, женщину сорока восьми лет, низкорослую и рябую. Извини, ты знаешь, я стараюсь не замечать, а тем более не отмечать физические недостатки людей, но ее я ненавижу!..

Так вот, Серафима опять что-то сегодня приволокла с материнским кучером. В первом часу, когда мы с отцом уже собирались в школу, ввалился Акимыч с большущим мешком, за ним Серафима с мешком поменьше. Отец спрашивает, что все это значит, а Серафима со своей усмешечкой: «Кушанье, Петр Дмитриевич, кушанье...»

Они тут же смылись, тетка развязала мешки. В одном килограммов десять мяса, в другом крупа какая-то. Отец велел тетке до мешков не дотрагиваться. А вечером они с матерью кричали друг на друга: он — что, пользуясь своим служебным положением, она обворовывает людей, она — что дети с голоду бы подошли на его зарплату...

Я как-то спросил у тетки, действительно ли мать ворует. Она сказала, что, конечно, нет. Но за деньги берет там, где другие взять не могут... Это и возмущает отца.

Тетка говорит, что, быть может, мать сама и не стала бы этого делать — посовестилась, но Серафима от ее имени, имени зам. председателя горисполкома, шурует везде.

Не понимаю, что связывает их с матерью. Серафима ведь из богатой купеческой семьи. И если материнский отец — акцизный чиновник — ничего, кроме долгов и дома нашего, не оставил, то у Серафимы, мать сама рассказывала, и после революции ценности были.

Серафима, конечно, умная баба. На правах секретаря горисполкома умеет «уберечь» мать от лишних неприятностей, но ведь она всех ненавидит, в том числе и мать. Только Томку нашу да отца любит. Когда мать с отцом поженились и уже Юрка родился, Серафима пробовала отбить отца. А когда ничего не получилось, начала мать обхаживать, против отца восстанавливать, хотя любит его, по моему, до сих пор: несколько раз ловил ее взгляды, не предназначенные другим...

Господи! Черт их разберет. Надоело мне это. Завидую Юрке с Лелей. Встретились в госпитале — Леля ведь на фронт медсестрой пошла. Полюбили. Поженились. Остались живы. Теперь учатся, будут врачами. Какая-то ясность, светлость во всем. Посмотришь на них — счастливые!

Я так хочу, Анюта, покоя, доверия, теплоты. Наверно, это и есть любовь?

...Ань! Петр Дмитриевич остался недоволен темой твоей курсовой работы. Считает, что уже сейчас должна была заняться Пушкиным. С твоими сочинениями носится до сих пор — Валька Крутько говорила. Теория литературы — мужское дело. А тебя, видишь, на теорию потянуло. Ну что ж, тебе видней.

...Был на ноябрьском вечере в вашей женской. В нашей мужской вообще ничего не было. Прошлись несколько раз в вальсе с Валентиной, и вдруг подкатывает Маринка Кошелева: «Смотри, Сереженька, какой ты веселый, а Анечка, наверно, там грустит». Так это, с ехидцей...

Ну, во-первых, Валентина — мой друг. И никогда никем иным не будет. Сколько помню себя, столько помню Вальку. Ты ведь знаешь, родители у нее железнодорожники. Это теперь отец — начальник вокзала, а мать — кассир. А раньше отец ездил машинистом, мать — проводником. Вальку и Витьку на старую, глухую бабу оставляли. И если бы не тетка наша, не знаю, живы бы они были. Один раз чуть дом не сожгли. Тетка увидела...

Валька — умная девочка и хорошенькой становится, но мне она только товарищ.

А грусть свою не хочу никому показывать. Мне это противно. Считаю, все самое дорогое должно быть глубоко спрятано в человеке.

...Сижку на литературе. Он (литератор) что-то объясняет, а мне захотелось с тобой поговорить. Так тяжело, так плохо на душе. Наверно, все от этих дурацких разговоров. Помнишь теткин: «Меньше знаешь — крепче смотришь». Это уж точно. Проще на все нужно смотреть, а я не могу.

Ну, где ты сейчас? Наверно, в университете. А может, тоже думаешь обо мне, и ниточки наших мыслей перекрещиваются в этом огромном пространстве...

Это письмо получишь к своему совершеннолетию. Ань, помнишь, незадолго до твоего

отъезда сидели мы в сквере. Я спросил, как ты распорядишься собой, когда стукнет тебе восемнадцать. Ты ничего не ответила.

А я помню лето сорок седьмого. Колхоз. Себя в малярии и тебя, собирающую все, какие есть, тряпки, чтобы укрыть меня...

Декабрь 1949 года. Приозерск

Сегодня окончательно пересмотрел свою жизнь и понял: главная моя радость — любовь. Поэтому мы обязательно будем вместе. Ведь ты сама подумай: лучше, чем мы есть, ни один из нас не найдет...

Вчера был у твоих. Бронислав Иванович очень худ и бледен. Видно, с сердцем опять плохо. В Москву ездил, в Главное управление гидролизной промышленности, к Волкову. Ока-

зывается, они с Волковым еще на гражданской вместе были. Видно, интересный мужик этот Иван Павлович.

Отец твой вчера объяснил мне все про завод, и я целиком и полностью его поддерживаю. Понимаешь, до войны, пока спирт нужен был только для «питейных» и медицинских целей, нашего завода хватало. Зерна завались, картошки много. Гони — не хочу. Но теперь, когда война и промышленность потребовали спирт в таком большом количестве, никакого зерна и картошки не хватит. Сырье же для гидролизной промышленности у нас есть: и отходы от деревозаготовок и известковые карьеры. Бронислав Иванович с технологом все обсчитали. Главное теперь — люди, то есть прежде всего местные власти, которые бы захотели взяться за это дело по-настоящему. А мамочку мою, по-моему, не очень-то раскachaешь, шефа ее, председателя, давно гнать пора. Конечно, Бронислава Ивановича поддерживают и областное начальство и Москва, но работать-то каждый день ему приходится с местными. Вот куда уходят его нервы.

...Да, не очень приятная новость: Люся домой вернулась. Оказывается, поступила на заочное. Пять месяцев проваландалась в этом своем Воронеже — и на тебе.

Очень изменилась. В первую нашу встречу не стал ни о чем спрашивать, а вчера зашел к ним вместе со Славкой после школы. Славка на правах «своего» пошел помогать Людмиле Андреевне, а мы почти час говорили...

То, что она сказала, — мерзость. Другого слова подобрать не могу. Анка! Я не ханжа. Знаю, что жизнь у человека может сложиться по-всякому, в зависимости от обстоятельств, хотя старшие учат нас, что обстоятельства надо преодолевать... Но вот чтобы просто так...

В общем, встретила там какого-то Станислава, студента. Говорит, очень красивый и собеседник интересный. И... Понимаешь?

Спрашиваю: «Ты что, полюбила его?» «Нет». «Тогда зачем?» «Просто так...»

Не знаю, сказала она Славке или нет. Думаю, нет. Иначе при всем своем пресмыкательстве он вел бы себя по-другому. Наверно, ушел бы. Я бежал бы без оглядки...

Сейчас думаю, зачем она мне все это выложила? Видно, тошно ей все-таки. Матери и отцу такое не скажешь, ты далеко. Я — самая подходящая кандидатура.

Эх, Люська! Люська! Красивая, умная. Как сыр в масле катается. Не за кусок же хлеба продалась...

...Все эти дни противно на душе — наверно, от Люськиного признания. Лучше бы уж ничего не говорила.

Анют! Не думай. О тебе ничего худого и в мыслях не держу. Ты совсем другой человек, но только все равно я должен был быть сейчас рядом с тобой. Должен.

...Не дописал вчера. Извини. Сейчас пришел из школы, включил радио. Знаешь, что передают? Первый концерт для фортепиано с оркестром. На днях дядя Коля опять прислал отцу посылку с книгами: «Жизнь Петра Ильича Чайковского» в трех томах. Составил брат Чайковского — Модест Ильич. Отец сразу отдал мне первый том, хотя, видел, самому хотелось.

Ну что бы мы делали в отношении книг без дяди Коли? А с тех пор, как в блокаду погибла его жена, ему, по-моему, кроме книг, вообще ничего не нужно. Они с женой очень хорошо жили, только вот детей не было.

Теперь дядя Коля один в этой огромной комнате. Старый уже, на пять лет старше отца. Не женится больше.

Отец рассказывал, он очень хороший специалист, мостовик, но ведь возраст свое берет. А войну в саперной части под Ленинградом провоевал — добровольцем упростили взять. Вот и тетю Веру не уберечь... Хотя как он мог ее уберечь?

Юрка с отцом были у них в сороковом в гостях. Все тогда посмотрели: и Эсмитаж, и Русский, и Петродворец. А я, лапоть, только один раз и на поезде-то ездил — за триста километров, к материнным родственникам.

Ничего, Анечка! Мы еще наверстаем. А то, что зачистила в консерваторию и оперный, — здорово. Говоришь, мальчишки на Гайдне уснули? Бывает. Может, устали, может, не очень сытые были, а может, им еще просто далеко до Гайдна...

Выходил сейчас подышать свежим воздухом. Звезды такие же яркие, как тогда, в колхозе. Прислонился к косяку и стал с тобой разговаривать. Очень хочу, чтобы встреча наша была в такую вот ночь...

Январь 1950 года. Приозерск

А позавчера был мой день... и меня ждали подарки: телеграмма, письмо с фотокарточкой и сегодня — бандероль. По-царски!

Тот же зачес волос, тот же спокойный взгляд. Нет, взгляд немножко необычный. Я знаю твои глаза, а такой взгляд вижу впервые. Может, из-за того, что брови потемнели? Уж не красишь ли ты их? Ты изменилась как-то, и я не могу еще к этому привыкнуть.

А за шарфик голубой спасибо. Говоришь, когда надену, еще больше на Есенина стану похож. Ну, во-первых, я длинный и тощий. Есенин таковым не был. А, во-вторых... Во-вторых, таланту бы мне немножко есенинского... Но, верно, я чуть-чуть и правда смахиваю на Есенина. Самую малость... А?

...Первый Новый год мы с тобой не вместе. Помнишь, где были в прошлом году?

Встали на лыжи и... на сопки. А ты трусиха, Анка. Собаку за волка приняла. Хотя, честно теперь признаюсь, и я в первый момент то же самое подумал.

Прижалась... Эх ты, воробышек мой маленький... Ну разве я отдам тебя кому-нибудь?

Рад, что перебралась на новую квартиру. Значит, хозяйка брала только одного человека. Комната маленькая. Жалко, что с Галей расстались. Вдвоем вам дружнее было. А где Галя теперь? Съехала от старых хозяев?

Слушай, а что за юристы у соседней хозяйки обитают? Говоришь, хорошие парни. Алексей и Николай. Николай — от сохи, Алексей — интеллигент. Очень дополняют друг друга. Ясно. Обрадовались, что ты появилась. Понятно.

Знаешь, ты не очень-то уши развешивай. Вот так. Знаем мы этих...

Извини, Аннушка! Ты далеко и... одна. Наверно, они и в самом деле хорошие парни, раз фронтвики. Сразу подумал о Юрке. Разве может он быть паскудником?..

К дню рождения Юра прислал мне книжку о хирурге Пирогове. Интереснейший был человек. Не только великий хирург и анатом, но и общественный деятель. Когда его выжили из военно-медицинской академии, в которой он был профессором и «европейской знаменитостью» и он вынужден был подать в отставку, не стал сидеть сложа руки. Поехал в Одессу попечителем, то есть заведовать просвещением всей громадной округи. Ночевал у бедняков учителей и долгими зимними вечерами вел с ними разговоры о российском просвещении. Его трактат «Вопросы жизни» сравнивали тогда с «Губернскими очерками» Щедрина. А «Начала общей военно-полевой хирургии», Юра говорит, до сих пор не утратили своего значения: ученые-медики все еще черпают отсюда для своих трудов.

Понимаю, некогда тебе сейчас читать такие книжки, но твоё развитие в чем-то обедняется от этого.

Во! Видишь, как заговорил: «твое развитие»...

Ань! Эльфа и Милочка очень понравились мне на фотографии.

Слушай, а почему Милочка? Она маленькая? Конечно, у Милочки тебе проще: когда люди живут скромно, они чище и добрее. Хороший, говоришь, папан Милочкин братишка. А как же они выбрались из Севастополя? Значит, брат совсем отца не помнит?

Ну, а у Эльфы тебя подучат тому, что называется «комильфо». Профессорская семья. Что ж, это хорошо. А меня они примут?

...Нам добавили еще два предмета: логику и психологию. Теперь учим четырнадцать. Зато от председательства в учкоме освободили.

В доме сейчас необычно тихо: нет никого. Тетка, видно, за хлебом ушла. И мне так хорошо. Вспомнил тот вечер, когда ты в первый раз разрешила себя поцеловать...

Знаешь, недавно прочел «Сына рыбака» Ладиса. Как здорово удалось автору нарисовать Оскара. Мне он сейчас ближе, чем Мартин Иден. Это настоящий человек. Гордый, силь-

ный, добрый, чуткий, любящий и суровый. Он все одолеет, потому что верит в себя...

Не беспокойся обо мне. Мне ничего не страшно: ведь ты есть у меня.

Февраль 1950 года. Приозерск

Вчера мать явилась домой поздно и с порогом заявила: «Теперь твой приятель попляшет...»

Сначала не понял, о ком речь идет, а когда разобрался, к твоим побежал. Бронислава Ивановича еще не было. Часов в двенадцать пришел. Неприятность у них.

Наверно, отец тебе говорил, что главное оборудование броидильного цеха — огромные чаны. Именно здесь сбраживаемые сахара гидролизного суслу превращаются в этиловый спирт. И старший броидильщик — есть такая должность — должен знать и основы процесса размножения дрожжей, и методы стерилизации и дезинфекции чанов, и способы отбора средних проб. На должности старшего броидильщика — посменно двое: женщина одна и дядька лет пятидесяти пяти — Романов. Дядька очень работающий, но иногда с устатку может принять... Вот и на сей раз, приняв, спустился в броидильный чан без разрешения начальника смены, без проверки, какой процент углекислоты в чане, без спецодежды.

Случилось это ночью, часа в три. Нахлебался он CO₂ здорово. Рвота, потеря сознания. Сейчас откачали, в больнице. Будет жить — неизвестно.

Я только не пойму материнскую позицию: радуется она или...

А что может сделать Бронислав Иванович, если нет специалистов? Возможно, они и приехали бы, да где жилье? Мамочка не очень-то большая помощница.

Бронислав Иванович черный весь. Хоть бы мужик этот выжил.

...Спрашиваешь о Славке. Безрадостно у них, хотя, по-моему, он по-прежнему ничего не знает. Для Славки главное в жизни — приспособиться, неважно, где, как. Важно получить то, что ему хочется, что он считает «своим». И на Люську он так смотрит. А она ведь не дура...

Не будут они вместе, увидишь.

Ну, а мы посмотрим: время нас или мы его...

Завидую, что на зимние каникулы в Москву едешь. Конечно, домой — далеко и долго. А тут поезд прямой: сутки — и ты в Москве.

Анют! Перво-наперво — в Третьяковку, а потом уж в музей Пушкина. Ладно?

И смотреть прощу в такой последовательности. Сначала Перов — «Проводы покойника». Обрати внимание на фигуры женщины и лошади. Они согнуты одинаково, как бы в одну линию. А собака хоть и бежит, но воет. У нее голова поднята так, как поднимают собаки, когда воют. И эти сине-коричневые тона неба и снега...

Но больше всего люблю портрет Достоевского и «Сельский крестный ход на пасхе», в особенности «Сельский ход».

У Сурикова посмотри главным образом «Меншикова в Березове». Знаешь, почему люблю эту картину? Дочка, которая подперла голову рукой, очень похожа на тебя. Правда. Вот спроси еще у кого-нибудь.

А потом отправься к Саврасову, Левитану и Васильеву. У Васильева «Оттепель» как следует рассмотри, у Левитана «Весну — большую воду».

Да! Чуть не забыл Нестерова. Его «Пустыника» и «Отрока Варфоломея».

Видишь, какую программу тебе предложил. Давай! Выполняй!

Ну, а я пойду сейчас на озеро. У нас стоят хорошие дни. Расчистим с ребятами метров пятьдесят, погоняем.

...Пока собирался, принесли твоё письмо. Ну, что ты чудишь? Неужели собрание не могло обойтись без тебя? Кто же ходит по улице с температурой тридцать девять? Вот пойду вечером к твоим и все расскажу...

Ань! Наверно, ты простила, но очень прошу: обращай побольше внимания на свое здоровье. Ведь твоя болезнь — моя. Ты понимаешь это?

Окончание следует.

СУДЬБА МОЯ КИРГИЗИЯ

**Олег ПЕТРИЧЕНКО,
Юрий РОМАНОВ,
фото
Эдуарда ЭТТИНГЕРА,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

* * *
Манасчи был стар. Но в седле сидел как влитой. И был он поюношески строен, и голос его сохранил молодую силу и чистоту. Голос анына.

Мы встретили его на берегу тихого горного озера... Быстро наступила ночь. Проплутав в серпантине лесных дорог, мы приготовились было ночевать в машине, как вдруг увидели яркий огонек и устремились к нему. Искали ночлега, а попали неожиданно-негаданно на маленькое семейное торжество — младший внук старого анына получил в далеком Ленинграде диплом инженера-строителя. И вот внук дома.

Манасчи — мы это знали — исполнитель героического киргизского эпоса «Манас», насчитывающего свыше полумиллиона стихотворных строк. И воистину великий народ, сумевший создать, сохранить, пронести сквозяз тревожные века это соноросище.

Однако не о прошлом пел в тот вечер анын. Чуткие пальцы перебирали струны комуза, а внук тихоно, чуть нараспев, переводил нам чудесные строки народного поэта республики Аалы Токомбаева:

...Я думал, что земля моя бесценная —
Лишь эти две долины меж горами.
Но как раздвинулась теперь вселенная
С ее неценимыми дарами!
Раздвинулась в пространстве и во времени
Судьба моя, земля моя родная,
Теперь я сын народа, а не племени,
И мысль моя, и даль моя — иная.

Путешествуя по Киргизии, мы не искали своих героев специально, но и не случайно встретили их на высоте — на высоте устремлений, обращенных в будущее, и на реальной географической высоте над уровнем моря. Ибо путешествовать по Киргизии — значит двигаться по горным дорогам.

ГОРЫ, ОСВЕЩЕННЫЕ СОЛНЦЕМ

Подниматься в горы — не значит самому лезть, карабкаться вверх. Мы едем и едем очень долго, почти час, и чем дальше бежит дорога, тем выше в небесную синь она уходит, к самым вершинам Терской-Ала-Тоо, тем чаще ныряет в тенистые ущелья с водопадами. Ухабистая и крутая дорога. А когда за одним из поворотов скрывается из глаз голубая чаша Иссык-Куля — исчезает последний ориентир. И лишь речка, бегущая навстречу, убеждает, что мы все же поднимаемся, движемся к ее заоблачным истокам. Собственно дорога в привычном значении этого слова осталась далеко позади — в долине. А то, что

вскоре началось, напоминает застывший селевый поток, разнокалиберные валуны которого нещадно испытывают на прочность наш вездеход и наши ребра. Бесконечное изумление вызывает «УАЗ», одолевающий, казалось, непроходимые нагромождения камней.

— Добрый работник, — поощрительно хлопывает машину по горячему запыленному боку Иса Дюшеев. — Дал мне совхоз «Жигули», обещают «Волгу». А я жду «УАЗ». На тех в гости хорошо ездить в город, а эта машина — помощник.

«Недостаток» у вездехода один — летать не умеет. Мы вышли из кабины, миновали какой-то особенно захватывающий поворот, где Иса, нахмурившись, сказал: «Все. Дальше на лошадях надо». И сразу кончилась трясина, наступила глубокая тишина — 90 лошадиных сил почтительно умолкли при виде ишана, на котором с достоинством трусил молодой чабан — друг и, как вскоре выяснилось, ученик Дюшеева.

С Дюшеевым нас впервые — заочно — познакомила заметка в районной газете, сообщившая о рекордном достижении чабана. Несмотря на нелегкие погодные условия минувшего сезона, Иса получил по сто восемьдесят семь ягнят от каждых ста маток и настриг по четыре с половиной килограмма шерсти с каждой овцы. Это один из лучших показателей в республике.

Кровь потомственных животноводов течет в жилах каждого киргиза, драгоценные крупы опыта просеяны сквозь сито многих сто-

летий. Стать лучшим — значит добавить к тем крупницам нечто свое. Суметь не просто привлечь, но и удержать пугливую птицу удачи. Впрочем, удача — понятие довольно ветреное. Чабан Дюшеев шел к своему рекорду не один год, невзирая ни на какие внешние обстоятельства. «Рос вместе с совхозом», — коротко скажет о нем директор Турат Султанов.

Совхоз «Урюкты» — хозяйство сравнительно молодое. Образован всего десять лет назад на базе (точнее было бы сказать — на месте, ибо базы не было никакой) убыточного колхоза. Турат Султанов пришел в отстающее хозяйство. И оказался нужным человеком на нужном месте в нужное время, когда в республике стали уделять особое внимание интенсификации сельскохозяйственного производства.

Традиционная основа сельского хозяйства — животноводство. Трудно поверить, но было время, когда не знали киргизы муки, экзотикой были для них виноград, кукуруза, хлопок. Сегодня земледельцы Киргизии осваивают каждую пядь пригодной к обработке земли, полностью обеспечивают республику самыми разнообразными продуктами. Свою лепту в это дело должен был внести совхоз «Урюкты», угодья которого раскинулись на двадцать километров вдоль озера-моря Иссык-Куль.

Свой ведет счет минувшему Ту-

рат Султанов: мощные селевые паводки в 1978, 1980 годах, засухи оставили не только седой след на висках, но и свет в карих глазах — свет радости оттого, что поверили люди в себя, стряхнули с души груз воспоминаний о былых неудачах. Четырежды за это время побеждал коллектив в республиканском соревновании, добился лучшей в районе отдачи с гектара пашни.

— Получаем сейчас более двух миллионов рублей прибыли в год, — с гордостью говорил Султанов. — Совхоз даже в напряженные дни уборки, стрижки или полива не обращается за помощью к горожанам.

Надо самому пережить хотя бы один сель, ощутить его всеокрушающую, первобытную силу, чтобы оценить мужество тех, кто сражался с ним не единожды. Напрочь снесенные дороги — лишь отдаленное эхо минувшего. Ущерб исчислялся многими тысячами рублей, однако самой надежной плотной на пути стихии стало терпение и трудолюбие людей. Нынешние миллионные прибыли круто посолены потом земледельцев, чабанов. В этом лишний раз убедил знакомство с работой Исы Дюшеева.

Нет слов, прекрасны джайлоо — летние пастбища, расположенные, как правило, в труднодоступных, вознесенных над миром местах. Выбор их диктуют соображения практической пользы, но человек, живущий в горах, всегда немножко художник по части пейзажей. И потому первое чувство, охватывающее вас на джайлоо, — чувство глубочайшего восхищения красотой дикой природы. Прозрачные ледяные струи ручьев, изумрудная зелень трав, неохватные вековые высоченные ели...

— У нас везде красиво, — говорит чабан. — Неприятных мест нет. Зато чабану надо помнить народную мудрость — выбирай не стоянку, выбирай пастбище!.. Иной норovit остановиться поближе к поселку, дороге, чтобы привычные удобства под боком были. Старик наши с отарами уходят почти в поднебесье. Овцам там приволье. И травы сочные, и воды вдоволь.

Овцы Дюшеева гуляют почти вровень с облаками, едва ли не на вершине горы Майчоку. От дома — несколько часов рискованной эквилибристики на лошади. Каждый день не покатаешься, да и нужды в этом нет. Испокон веку двумя домами живет чабан и ни один временным не считает. Все лето до ранней в горах сентябрьской осени на джайлоо — рядом со звездами. Устраивается поуютнее, а выбирают на пастбище всей семьей, тут и жена и дети — первые помощники в многотрудном деле.

И нет у чабана, у его семьи ни выходных, ни воскресений, да и отпуск, по сути, формальность. Есть цель — сберечь овец, приплод, приумножить богатство, доверенное государством.

Уважительный к гостю Иса не мог сдержать улыбки, когда один из нас, коренной горожанин, заинтересовался, как зовут приглянувшуюся ему «фотогеничную»

Чабан Иса Дюшеев.

овцу. Шестьсот голов в стаде, на всех имен не напасешься, но забот с ними у Исы и его жены Майрамкан, конечно, хватает. Пик года — окот овцематок, пора появления на свет ягнят. «Норма» овцы — двойня. И чем больше малышей удастся выводить, тем лучше. Лет десять назад рекордным для республики считалось получение ста тридцати ягнят от сотни овцематок. Сейчас только в совхозе «Урюкты», следуя примеру И. Дюшеева, по сто сорок и больше ягнят выводи́ли чабаны Д. Молдогазиев, А. Одокозов, С. Эркинбаев. Иса думает о максимуме. Возможно ли это? Дюшеев пожимает плечами:

— Слышал, что в других областях получают и сто девяносто ягнят и больше. Чем мы хуже?

Сакман — время окота, бессонное время для чабана. И хоть помощников в эти дни у него становится больше — ответственность за исход только на нем одном. Кому доводилось возиться дома хотя бы с одним щенком, тот знает, сколько прибавляется забот у всех. Здесь в отаре — сотни новорожденных. Чего стоит только одна обязательная процедура — положить каждому ягненку за щеку комочек сливочного масла! Хорошо, если удастся поспать часа три в сутки, а в общем-то чем крепче, веселее ягнаты, тем больше темнеет от усталости, худеет чабан. И никакая техника никогда не заменит человека. Сакман — это и экзаме́н за прожитый год. Здоровые ягнаты могут быть только у здоровой овцы. Чтобы она была таковой, весь год требует труда, нормативы которого определяет совесть. Дождь ли, шквальный ли ветер на дворе, жара или снег — с отарой чабан.

Ошибается тот, кто считает, что профессия чабана гарантирует высокие заработки. Вся семья Дюшеевых (кроме старших сыновей, живущих отдельно) так или иначе занимается отарой. А ежемесячная оплата — полтинник за овечью голову. Примерно триста рублей в месяц. Есть и премии в конце года (по итогам окота, настрига). Случается, можно и «Жигули» за год купить, если есть за что премию получить.

Исе Дюшееву сорок шесть лет, пастушит он с юности. По собственному опыту может сравнить, что было и что есть. Конечно, условия быта в горах изменились несравненно. Богатеет совхоз. И средств на то, чтобы люди жили удобнее, красивее, здесь не жалеют. С гордостью говорил нам директор Т. Султанов о помощи хозяйству со стороны известного художника, киноактера Суйменкула Чокморова. Тут не шефство — дружба! Конечно, ощутима квалифицированная помощь зоотехников. Легче стало зимовать и потому, что механизаторы заботятся о запасе кормов.

По-прежнему суровы горы. С годами все дальше и дальше приходится отпочевывать отарам в поисках сочных трав. Надежный конь, умная собака, крепкий посох — таяк — их никакой электроники не заменить. И в любой экстремальной ситуации мужество и находчивость чабана выручают и его самого и овец. Так было, так есть. Иса говорил:

— Дед мой был чабан, отец чабан. Отец погиб на войне, я заменил его...

Отец Исы погиб смертью храбрых, защищая свою страну, свои горы и дом на берегу Иссык-Куля. Память о нем живет в сердце сына. Имя его — на гранитной плите совхозного мемориала рядом с име-

нами десятков односельчан, отдавших жизнь за Родину. В годы Великой Отечественной войны в рядах действующей армии сражался каждый третий житель республики. Трех братьев Дюшеевых — мал мала меньше — осиротила война, а спасла, подняла на ноги Советская страна. Сегодня у самого Исы семеро сыновей — его надежда, гордость и опора. Орденом Трудовой Славы, медалями ВДНХ отмечена его работа. Он считает себя счастливым человеком.

РАДУГА НАД СКАЛАМИ

После яростного солнца черный зев тоннеля кажется входом в преисподнюю. Один за другим исчезают в нем «КамАЗы» с бетоном, бульдозеры и даже небольшой автокран. В далекой глубине горят фары машин. Люди трудятся, освещая себе путь и рабочее место фонарями, укрепленными на касках, и оттого они похожи на светлячков, спящих в ночи.

— Через эту бетонную трубу, — рассказывает наш гид инженер производственно-технического отдела стройуправления «Таш-Кумыр ГЭС» Елена Басинова, — будет проходить более тысячи трехсот кубометров воды. Ежесекундно. Радиус тоннеля — около семи метров...

Лена знает здесь всех, с ней интересно ходить по стройке. Четкий, отлаженный ритм чувствовался в движении машин с бетоном, работе кранов, своевременно подававших опалубку, которая тут же прихватывалась сварщиком. Потом сварщик исчезал, а на его место приходил бетонщик, подтягивая шланг вибратора. Затем на площадку с ревом вырубал «КамАЗ», вываливал из бады порцию бетона... Проходили считанные минуты, и цикл повторялся. Не было суеты, никто не бродил по площадке без дела. Монтажники, бетонщики, сварщики разговаривали с нами вежливо, но немного отстраненно. Вдруг извинялись и наворачивали уступленное.

О тщательно рассчитанном графике предупредил нас начальник строительства Леонид Борисович Рутнап. В кабинете он подписывал студентам дневники производственной практики, а точнее — делал три дела одновременно: внимательно прочитывал страницу дневника, выводил замысловатую роспись, а нам кратко рассказывал о стройке:

— Есть три района в мире, где основная часть потребностей в электроэнергии удовлетворяется за счет гидроресурсов. Скандинавия, Канада и Киргизия. Наша республика располагает немалым потенциалом для дальнейшего развития гидроэнергетики. На Нарыне предполагается возвести полтора десятка ГЭС. Каждая требует нестандартных решений и немалых усилий, затрат. Но они окупаются сторицей. Киргизия дает самую дешевую в стране электроэнергию.

Третья очередь нарынского каскада — Таш-Кумырская ГЭС. Она строится по напряженному графику. Через полтора года здесь будет получен и первый ток.

Токтогульская ГЭС — первенец каскада, она была начальной школой. Возводилась плотина, строилась станция и город гидростроителей Кара-Куль, а главное, складывался коллектив «Нарынгидроэнергостроя». Отсеивались лишние, случайные люди, отработывались необычные инженерные решения, звено за звеном намертво крепилась технологическая цепочка. Цепочка оказалась крепкой и дотянулась до Курпсай. Курпсайская ГЭС стала основным полигоном, где опыт строительства

уникальных станций обрел законченные очертания. Теперь во всеоружии этого опыта возводят Таш-Кумырскую ГЭС.

Она возникла за поворотом как прекрасное и хрупкое видение. Над склоном, почти вертикальным, вначале закрутилось что-то вроде облака. Потом облако исчезло, и над рекой появилась радуга. Она соединила берега Нарына. Мы стояли взороженные, но Лена Басинова быстро развеяла чары:

— Это оборочки склонов! Гидромонитором работают...

Мы пошли к скалолазам. Есть на строительстве горных ГЭС такая профессия — скалолаз. И есть такая работа — оборка склонов. Когда в горах идет дождь, склоны ущелья, на дне которого строят плотину и здание электростанции, оживают и насылают вниз на людей и механизмы грохочущие камнепады. Поэтому перед началом строительства специальная бригада проходит склоны и отправляет вниз все подозрительные камни. Заранее.

Четверо скалолазов — Эрмек Итемиров, Жолдошбек Байзаков, Тагайбек Тургуналиев и бригадир депутат Верховного Совета СССР Мамасалы Сабилов, — стоя на краю пропасти, обвязывались страховкой. Котлован под нами сократился до размеров носового платка. С края дороги почти вертикально спускалась отвесная стена. Мамасалы проверял веревки, внимательно глядясь в переплетение жгутов, словно читал веревочное письмо. Кажется, у древних оно называлось «узелковым». Но здесь узелки не допускаются. Веревка должна быть ровной, чтобы при необходимости ее можно было быстро «стравить» и не зацепилась бы она при этом ни за одежду, ни за рукавицы, не застряла бы в расщелине. Заглянув за край обрыва, бригадир махнул рукой: «Пошел...»

...Мамасалы был в горах и в 1973 году, когда начинала набирать силу комсомольско-молодежная стройка на «Токтогулке». Там он стал лауреатом премии Ленинского комсомола Киргизии, одним из легендарных монтажников-скалолазов, которые в сложнейших условиях обирали камни, ставили опоры линий электропередачи на головокругительных склонах. Тогда и сам Сабилов был словно заряжен током высокого напряжения. Он минуты не мог посидеть спокойно, торопился, словно догоняя время или наворачивая уступленное. Но вот минули десять лет, позади и «Токтогулка» и Курпсай, в разгаре Таш-Кумыр...

Сабилов, говорят, за эти годы окреп, раздался в плечах. Размереннее и продуманнее стали движения, прицельнее — прищур глаз. Только седина просолила некогда черные волосы. Перехватив

наши взгляды, Мамасалы рассмеялся:

— Это не моя седина! Чужая...

Мы не стали выяснять, что имел в виду бригадир.

Струнами натянута страховочные веревки. Вдоль склона дует горячий ветер. Пыль. Мамасалы предупреждает:

— Идти по скале только по вертикали. Не забывать три точки опоры. Две руки и нога! Или две ноги и рука. Держаться подальше от склона...

Один из нас решился и, обвязавшись страховкой, которую внимательно проверил бригадир, пошел на оборку. Главный инструмент — ломик. Полуметровый заостренный стержень приварен к метровому куску водопроводной трубы. Сбоку трубы — отверстие, в которое продет репшнур. Второй конец репшура с помощью карабина прицеплен к монтажному поясу. Пластмассовая каска и рукавицы дополняют снаряжение. В бригаде Сабилова есть монтажники, бетонщики, плотники, сварщики. Единственное их отличие от равнинных собратьев заключается в дополнительном слове «скалолаз».

Ощущения скалолаза на склоне не из приятных. Спину яростно печет солнце, а камни, за которые приходится держаться, нагреты настолько, что кажется: вот-вот прожгут рукавицы. Тело сдавлено страховкой и поясом. Каска съезжает на глаза. Хочется распластаться на поверхности склона и не двигаться. Немного отдышавшись, замечаешь, что соседи уже давно работают! Вот и на твоём пути попался шаткий камень. Подтягиваешь ломик, заталкиваешь его в расщелину, нажимаешь... Мамасалы предупреждает:

— Камень сейчас покатится. Береги ноги!

И все-таки карниз обвалился внезапно. Потеряны точки опоры. Болтаешься на страховке. Небо и земля стремительно меняются местами! Скала оказалась много тверже, чем ожидал. Бригадир, в руках которого был второй конец основной веревки, перекинутый через выступ скалы, стоял на седнем карнизе и всем весом удерживал звенящую, как струна, веревку: «Останови вращение! Цепляйся за склон. Не забывай про три точки...»

Далекой ниточкой синее Нарын; секунда-другая — и рожденная твоим камнем лавина исчезла в воде.

— Вот и твой седой волос появился у меня в голове, — засмеялся бригадир Сабилов.

Позже мастер Бектурган Самтыров пояснил:

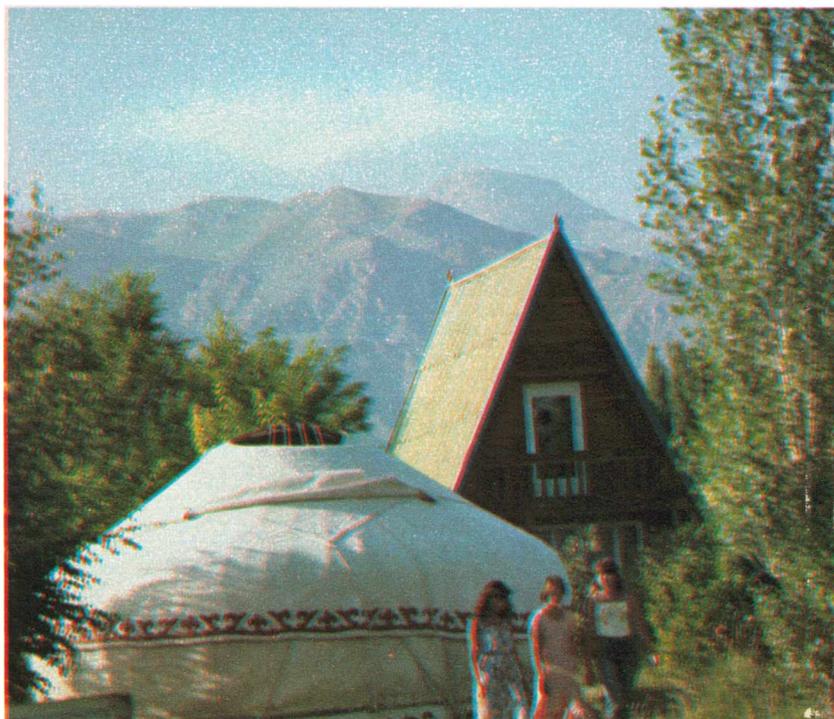
— Пятьдесят пять человек в бригаде. За каждого переживает Мамасалы. В прошлом году Мурат Иржанов в речку упал. Выловили. Орозбек Суванов на тренировке нарушил правило ходьбы только по вертикали и сорвался, как ты сегодня. Повис на страховке.

Мамасалы говорит: пока нет ему сорока, седина его «чужая», а своя будет после пятидесяти!

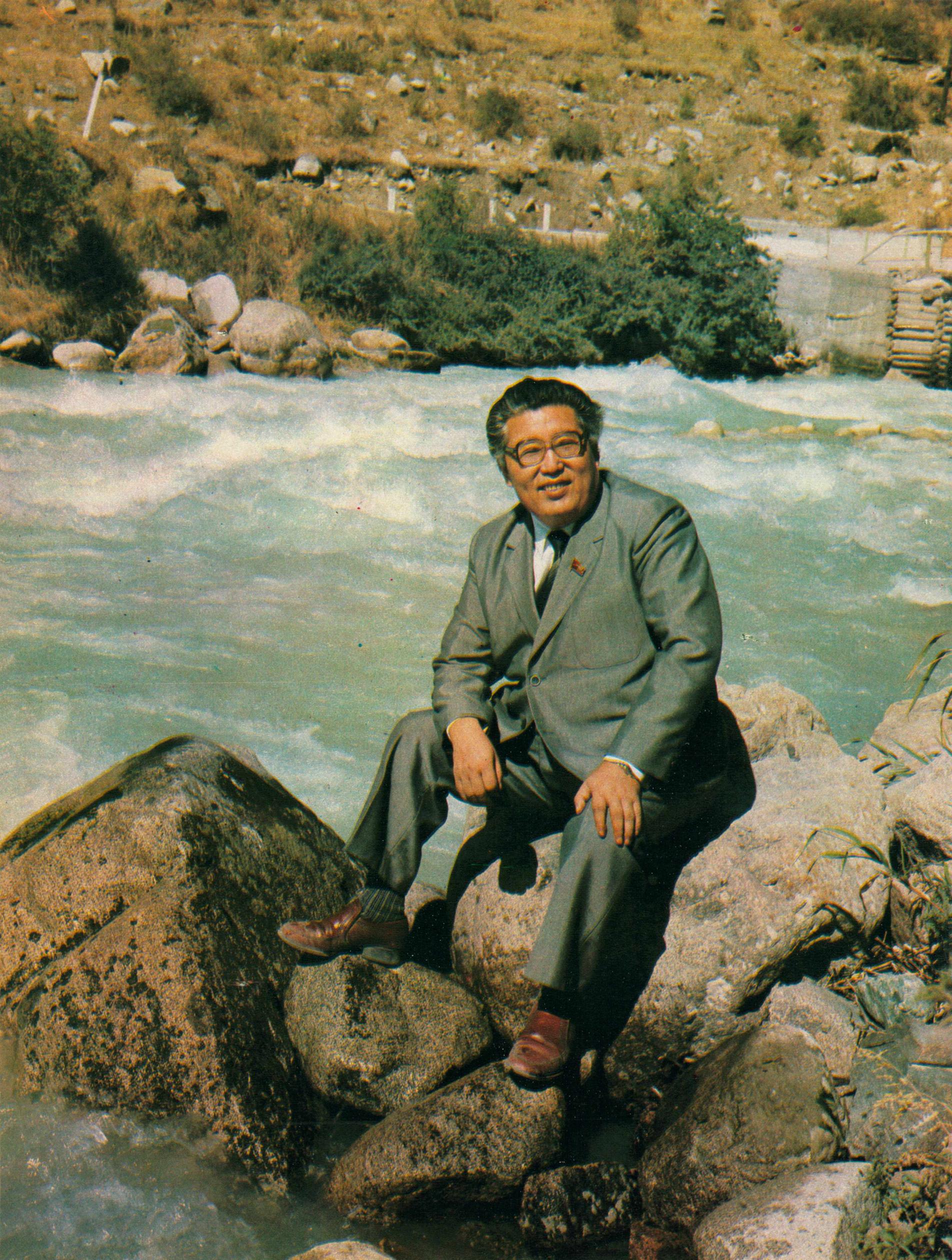
Одна из лучших бригад завода сельскохозяйственных машин имени М. В. Фрунзе: бригадир Торон Тургунов, сборщики Леонид Доронин, Усен Мамытов, Молдобек Суеркулов, Виктор Степанов * В столице Киргизии.

На развороте вкладки: Воскресенье на Иссык-Куле * Утренняя прогулка (конезавод № 54) * Пансионат «Алтын-Куль», где отдыхают строители со всей страны * Депутат Верховного Совета СССР Мамасалы Сабилов — бригадир скалолазов на Таш-Кумырской ГЭС.

Дар чуткой души

люди науки

**А. ТИМОФЕЕВ,
Ю. ВЛАДИМИРОВ**

Река Аламедин, стремительная, белая от пены, перекачивала по дну валуны. Их стук приглушенно доносился из-под воды. После жары во Фрунзе здесь, в ущелье, дышалось легко и радостно.

Мурзабек Иманалиев прошел вдоль реки, постоял возле подмытого куста. Корни барбариса еще держались за ненадежную глину берега, а ветви, погруженные в поток, рвались в опасное плавание. Упали несколько камешков, лопнули последние корешки, и куст, увлеченный ледниковой водой, пропал в волнах, потом вынырнул и вскоре исчез за поворотом. Нелегко растению в рискованном плавании по порожиистой реке. Но Мурзабек Иманалиев знал, что сила жизни возьмет свое: зацепятся корни за землю и дадут начало новой поросли...

...В сельской школе Джанги-Джольского района Киргизии занятия в этот день начались необычно.

— Сегодняшний урок, дети, с вами проведет академик Мурзабек Иманалиевич Иманалиев! — объявил немного торжественный, взволнованный учитель.

Тот день запомнится школьникам надолго. С ними занимался математик Мурзабек Иманалиев — президент Академии наук Киргизской ССР, депутат Верховного Совета СССР. Обычный урок был необычен тем, что быстролетный академический час заполнили рассказы, споры, а главное, решения задач, придуманных ученым. Чтобы решить их, нужны были не только знание математики, но и умение взглянуть на условие задачи с необычной точки зрения.

Урок запомнился не только школьникам. След его остался и в записной книжке ученого. В ней появилась фамилия одаренной восьмиклассницы, фамилию которой Мурзабек Иманалиевич попросил пока не называть.

— Я думаю, что не ошибаясь, — сказал он, — скоро в нашем университете одной студенткой станет больше. У девочки удивительное воображение и математическая интуиция. Она угадывает то, чего знать пока еще попросту не может...

Из года в год М. И. Иманалиев ищет в республике одаренных мальчишек и девчонок, курирует их учебу. Ильдар Габитов, Кельдыбай Алымкулов, Павел Панков — можно привести фамилии десятков аспирантов, молодых кандидатов наук, в судьбе которых решающую роль сыграло вмешательство, опека президента, разглядывшего в них дар нестандартного мышления, редкие математические способности.

Поддержка способной молодежи приносит свои плоды. В широ-

комасштабной работе нет второстепенных тем, и трудно хотя бы коротко перечислить даже наиболее примечательные достижения киргизских ученых. С особой гордостью в республике говорят о вкладе ученых в создание буровых автоматов и роботов для исследования Солнечной системы. Эталон на мировом рынке служит особо чистая сурьма Киргизии, технология добычи и производство которой — разработка местных исследователей. С точки зрения автоматизации не имеет аналогов Ат-Башинская оросительная система, созданная при непосредственном участии работников Института автоматизации. В четыре с половиной раза больший коэффициент полезного действия, нежели зарубежные установки подобного типа, имеет лазер с плавной перестраиваемой частотой, сконструированный на «киргизских» кристаллах. А созданные здесь вакцины закупили признанные центры мирового овцеводства в Австралии, Новой Зеландии. В Киргизии налажен выпуск легированного железного порошка из отходов металлургии. Изделия из него показал нам Мурзабек Иманалиевич, он один из создателей перспективного метода. Слушаешь ученого и диву даешься, до чего же все просто! И понимаешь, почему лекции президента Академии наук Киргизии так любят студенты. Мурзабеку Иманалиевичу дано умение о самом сложном рассказывать увлекательно, доходчиво.

...Буйство речных потоков, свежесть горного ветра, приносящего запахи альпийских лугов и дыхание ледников, невозмутимое молчание гор с незапамятных времен формировали особый тип людей — мудрецов, поэтов, звездочетов, людей такого склада, как, например, колхозный табунщик Какин Бекбаев, отчим Мурзабека Иманалиева. Долгие часы одиночества и раздумий у ночного костра, врожденная привычка наблюдать, анализировать мельчайшие изменения в окружающем мире с годами сделали простого пастуха хорошим воспитателем. Бекбаев учил маленького Мурзабека слышать и понимать травы, по-своему растолковывал ему смысл величавого движения звезд, учил предсказывать погоду по изменчивому сиянию лунного диска и показывал, как можно не силой, а лаской и терпением укрощать самых норовистых скакунов.

По утрам Мурзабек Иманалиев спешил в школу, где его ждали уроки физики и химии, где ждала его любимая математика. Вчерашний табунщик стал студентом физико-математического факультета Киргизского государственного университета...

Путь в науку Мурзабека Иманалиева стремителен и может быть сравним только с темпом развития самой киргизской науки, которой от рода всего несколько десятилетий. Обширен круг интере-

сов математика. Поражают его добродетельность и эрудиция. Рассказывая об исследованиях в самых различных областях: физике и математике, геологии и горном деле, сейсмологии и автоматике, телемеханике и химии, биологии и экономике, философии и праве, — Мурзабек Иманалиевич не просто перечисляет созданное и авторов созданного, он, как опытный драматург, буквально двумя-тремя штрихами очерчивает характеры незаурядных исследователей, детали поиска, рисует будничную напряженную творческую работу как дело увлекательное, перспективное.

В Киргизии около семидесяти научно-исследовательских учреждений, более восьми тысяч ученых, научных сотрудников, инженеров, лаборантов. И это в республике, не имевшей до революции своей письменности! Сейчас на каждые десять тысяч жителей в Киргизской ССР обучаются в три раза больше студентов, чем в ФРГ, и в два раза больше, чем в Англии, и в полтора раза больше, чем во Франции. Вот к каким результатам привел бескорыстный, подвижнический труд русских ученых, которые на заре Советской власти начали подготовку национальных научных кадров. Первая комплексная экспедиция Академии наук СССР во главе с ее первым президентом академиком А. П. Карпинским была направлена в Киргизию в годы первой пятилетки.

В разговоре о науке родной республики мы снова вернулись к математике. Почему когда-то юный Мурзабек избрал именно эту науку?

— Почему поэт пишет стихи? — вопрос на вопрос ответил ученым. — Почему дует ветер? А почему светит солнце?.. Я просто не знаю другого способа мышления... В принципе можно любую гармонию «верить алгеброй». Спорно? Может быть! Но это точка зрения математика...

И эта точка зрения имеет подтверждение. Более ста статей посвящены актуальным проблемам математики, внедрению математических методов в народное хозяйство. Формулами подкреплены изобретения в области импульсной техники, методика прогнозирования землетрясений, определение очертаний рудных тел...

Мы возвращаемся в город. Здесь Мурзабека Иманалиевича ждали дела, далекие от науки, такие, например, как постройка профтехучилища в совхозе «Кызыл-Жар», огромная переписка депутата с избирателями.

— Бывает у вас свободное время?

— А как же, — удивляется Иманалиев. — Конечно, бывает. Самое свободное и спокойное время — ночь...

— И чем же вы тогда занимаетесь?

— Математикой...

ПЛАЗМА — СТРОИТЕЛЬ

Вспыхнуло и затрепетало пламя. Померк солнечный полдень в окне. Остро и тревожно запахло озоном. Двинулся конвейер, на котором аккуратной чередой установлены керамические плитки. Серые, неприятные, точно золушки, они, пройдя через горнило плазматрона, стали праздничными и яркими «принцессами». Хотя на бал, хоть на... стройку.

Директор Института физики и математики Академии наук Киргизской ССР, доктор физико-математических наук, профессор Жаныбек Жеенбаевич Жеенбаев взял сверлящую алюминиевым блеском плитку и, поглаживая ее остывающую блестящую, словно отполированную поверхность, спросил: — Хотели бы вы жить в доме, облицованном такими плитками?

Я с сомнением покачал головой. Мне показалось странным жить в доме, стены которого отражают деревья, людей, идущие по улице машины...

— И солнце, наше жаркое южное солнце... Представьте, ведь в таком доме в жару прохладно, он отражает солнечные лучи. А зимой нужно меньше энергии на обогрев. А дешево? Сейчас мы ищем для отделки зданий дорогой и хрупкий мрамор, ракушечник «сары-таш», «желтый камень». А природные запасы таких материалов не вечны. С помощью плазматрона мы можем окрасить в любой цвет и в любой оттенок обыкновенный кирпич. Вот посмотрите...

Вновь трещит пламя плазматрона. А на конвейере уже выстроились кирпичи. Одна грань каждого из них смочена растворами солей различных металлов. Но вот пламя плазмы коснулось мокрой грани кирпича, и опять тревожно свернули блики.

Плазма эта только называется низкотемпературной. На самом же деле температура ее такова, что поверхностьный слой изделия спекается и приобретает практически однородную структуру. При этом еще появляются зеркальный блеск, яркость и праздничность. Вид строительного материала меняется совершенно.

Прошли считанные минуты работы плазматрона, а на лабораторных столах уже выстроились столпи и целые штабеля разноцветных кирпичей.

Новой работой института заинтересовалось Министерство промышленности строительных материалов. Трест «Оргтехстройматериалы» создал на своем комбинате экспериментальный участок, где сейчас начато серийное производство новых облицовочных материалов.

Н. ЮРЬЕВ
Фото автора

На снимке: старший инженер В. И. Шагаров и директор Института физики и математики АН Киргизской ССР Ж. Ж. Жеенбаев в лаборатории проблем плазменного напыления.

интервью «огонька»

Тихон Николаевич Хренников... Вряд ли найдется в нашей стране человек, которому не было бы известно творчество этого замечательного советского композитора. Он творит уже более полувека, и у каждого поколения, выросшего за это время, есть свой музыкальный пароль, рожденный талантом Хренникова. До войны это замечательная музыка к шекспировскому спектаклю «Много шума из ничего», поставленному в Театре имени Евг. Вахтангова, опера «В бурю», ставшая своего рода визитной карточкой музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Песни Хренникова из кинофильмов «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны» вдохновляли советских людей на Победу. Позднее были созданы оперы «Фрол Скобеев», «Мать», «Много шума из-за сердец», «Мальчик-великан», «Дуэнья», балеты «Любовью за любовь» и «Гусарская баллада», симфонии, фортепьянные и скрипичные концерты, камерная музыка.

Талант Тихона Хренникова необыкновенно щедр и удивительно демократичен. Любая его музыка близка и понятна человеку своей свежестью, мелодичностью, неразрывной связью с народным песенным творчеством.

«...Неотразимое обаяние русского художественного реализма заключается в простоте, как превращении обыденного, будничного, казалась бы, привычного и неприметного — словом, в превращении правды простых явлений и простых людей в прекрасную простоту и простоту прекрасного...» — писал композитор Асафьев.

Кажется, это сказано прямо о Тихоне Хренникове, ибо именно за простотой прекрасного стоит истинный талант, стоит вечность. У Тихона Николаевича Хренникова масштабность, многогранность таланта и личности настолько спаяны с какой-то поразительной, высшей простотой, сердечной открытостью, природной мягкостью и вниманием к людям, что порой ощущение его художественной громадности как бы растворяется в его душевных качествах, и окружающие воспринимают его прежде всего как человека, к которому можно обратиться за помощью, довериться ему в самых трудных обстоятельствах, спросить совета и напутствия не только в творчестве, а и в обычной, повседневной жизни.

А вот взгляд на Тихона Николаевича совсем с другой стороны. «Тихон Хренников — организатор и вдохновитель фестиваля, фантастически неутомимая личность, сам исполнял свой концерт. Это композитор плодотворного дарования и пианист высокого класса, щедрого таланта. Его блестящий, мастерски написанный, динамичный концерт поднимается до подлинных высот музыкальной страсти», — писал в итальянской газете «Унита» музыкальный обозреватель Эразмо Валенте.

Речь идет об одном из последних событий музыкальной жизни не только нашей страны, но и всего культурного мира — втором Международном музыкальном фестивале в СССР, состоявшемся недавно в Москве. С него-то мы и начали нашу беседу с первым секретарем Правления Союза композиторов СССР Тихоном Николаевичем Хренниковым.

Тихон ХРЕННИКОВ, народный артист СССР

— Тихон Николаевич, в наше взрывоопасное время люди особенно нуждаются во взаимопонимании и доверии. И в благородное дело объединения людей на почве идеалов гуманизма и красоты музыка призвана внести свою неоценимую лепту — ведь язык ее понятен всем, не так ли?

— Убедительным подтверждением этой истины и стал второй Международный музыкальный фестиваль. Он собрал более двухсот двадцати виднейших композиторов, музыковедов, музыкальных деятелей, а также членов руководства Международного музыкального совета при

ЮНЕСКО. Отличительная черта нашего фестиваля — интернационализм: воистину прибыли «все флаги в гости к нам» — пятьдесят две страны со всех континентов. Концерты, прошедшие за десять дней фестиваля, не только познакомили нас с новейшими тенденциями в музыкальном искусстве, дали возможность сопоставить различные национальные школы и индивидуальные почерки... Они слились поистине в музыкальное эхо планеты, в котором мы услышали ее боль и заботы, любовь и ненависть, память и надежду.

Об этом поведали слушателям

кантата норвежца О. Кваса «Диспут о мире», «Весенняя симфония» М. Теодоракиса (Греция), симфония Л. Бернштейна «Век тревоги» (США), Реквием памяти жертв фашизма Ф. Лопиш Граса (Португалия), опера «Орфей в Хиросиме» Я. Акутагавы (Япония), симфоническая фантазия «Памяти героев, павших в борьбе за правду» Чжу Цзяньэра (КНР), «Траурная музыка памяти Че Гевары» Р. Барсе (Испания), «Костры в горах» А. Мойзеса (ЧССР)...

Даже одни названия этих и других произведений дают представление о тех «болеющих точках» человечества, которые тревожат сердца честных художников, об их мыслях и стремлениях, которые вполне отвечают девизу нашего фестиваля «Музыка за гуманизм, за мир и дружбу между народами».

— Слушая вас, Тихон Николаевич, я не могу не вспомнить о том, какую высокую оценку дали фестивалю сами его участники, композиторы разных стран, собравшиеся за «круглым столом».

Вот что сказал К. Санторо из Бразилии: «Три вещи для меня являются особенно важными на этом фестивале. Во-первых, я хотел бы подчеркнуть, что только такая страна, как Советский Союз, может устроить фестиваль подобного масштаба. Второе — это высочайший уровень исполнения всех произведений на фестивале. Каждый композитор может только мечтать о подобной интерпретации своих сочинений. И третий, очень важный для меня пункт — на данном фестивале были исполнены произведения представителей самых разных стран. Не существовало ни политических, ни эстетических предрассудков, что особенно важно в той сложной обстановке, которая сейчас создалась в мире. Советский Союз продемонстрировал на весь мир свое миролюбие, трата такие большие средства на фестиваль в то время, как большинство стран тратят деньги на вооружение».

Мировой музыкальный процесс знал в последние десятилетия немало различных модернистских течений, которые стремились всеми правдами и неправдами привлечь на свою сторону слушателей и ценителей музыки... Советской музыке, кажется, удалось избежать, как это случилось у нас же, «эстетических блужданий, а порой и трагических заблуждений авангардизма». В чем тут дело?

— Прежде всего в том, что советская музыка никогда не вступала в конфликт с людьми, но всегда несла им высокие нравственные идеалы. Причем это совсем не означает снижения ее уровня, упрощения, подстраивания под слушателя привычным набором выразительных средств. Широкий демократизм советской музыки берет свое начало из прошлого, из многовекового опыта нетленных и незыблемых эстетических и эстетических ценностей, завещанных нам великими русскими композиторами.

— Их творчество, их наследие — живая плодотворная почва, фундамент воистину всенародной музыкальной культуры в нашей стране. И не престо музыкальной куль-

туры, а трепетного внимания к нашим композиторам-классикам, любовного сохранения и восстановления всего, что связано с их жизнью, творчеством, памятью о них.

— Да, за примерами далеко ходить не надо. Совсем недавно в селе Новоспасское Смоленской области бережно и любовно восстановлен дом-музей Михаила Ивановича Глинки. Это потребовало и от Союза композиторов СССР и от исполкома Смоленского областного Совета народных депутатов не просто огромных сил и средств, а прежде всего горячего, трепетного желания вернуть народу один из ценнейших памятников культуры, воскресить для людей ту дивную атмосферу, в которой творил певец русской земли, приобщить их к той духовной и гражданской, патриотической высоте, которая присуща Михаилу Ивановичу Глинке. Я сам видел толпы паломников в Новоспасское буквально со всех концов страны. Великое дело сделано. В сущности, это один из ответов на вопрос об исторической памяти людей, который так остро стоит сегодня на повестке дня. Не подвержено забвению только то, что постоянно необходимо человечеству и человеку. И прежде всего это гордое, сознание того, что у него, у его страны, у его культуры есть могучие и жизнедеятельные корни, уходящие в глубь веков.

Корни, без которых невозможно ни настоящее, ни будущее.

— О чем бы мы ни говорили — о музыкальном фестивале или об открытии дома-музея Глинки, — за всем стоит огромная организаторская работа. И лично ваша тоже. Как удается ее сочетать с творчеством?

— Я глубоко убежден в том, что художник не может жить только исключительно в мире своего искусства. Как бы ни был этот мир богат, он все равно ограничен в сравнении с жизнью, особенно такой сложной и полной тревог и надежд, как сегодняшняя. Тебя касается все, что происходит вокруг, — это мой принцип. Ко мне, как к депутату Верховного Совета СССР, приходят и обращаются с письмами люди из разных мест по самым различным вопросам. По письмам этим, как по барометру, можно судить о том, какие проблемы нашей жизни стоят на «ясно», какие на «переменно», какие на «пасмурно». Очень много моих избирателей из Дагестана обращаются по вопросу жилья. Нередко обращаются за помощью пенсионеры, и, как правило, эти просьбы связаны с формальным, а порой просто бездушным отношением к человеку. Надо сказать, что с помощью определенных ответственных органов и учреждений многие вопросы удается решать весьма успешно.

Написали мне избиратели из села Султаниянгиюрт Кизилюртовско-

Простота прекрасного

го района Дагестана о том, что их детям необходима новая школа. Я обратился по этому вопросу в Министерство просвещения РСФСР, и вот недавно заместитель министра И. М. Косоножкин ответил мне: принимаются меры для того, чтобы в новой пятилетке типовую среднюю школу в этом селе построить.

Вообще-то так уж складывается жизнь, что депутатские и творческие дела для меня неразделимы. Судите сами. В знаменитом Никитском ботаническом саду в Ялте есть замечательный дом, связанный с памятью о «человеке-оркестре», талантливом пианисте и дирижере Мариинского театра, первом советском директоре Киевской консерватории Феликсе Михайловиче Блуменфельде. В этом особняке бывали композиторы Римский-Корсаков, Мусоргский, Глазунов, Спендиаров...

В 1920 году дом был передан Никитскому саду и превращен в обыкновенный жилой дом. У представителей местной интеллигенции во главе с директором Ботанического сада Е. Ф. Молчановым возникла идея создания в бывшем особняке Блуменфельда литературно-музыкального музея на общественных началах, для чего надо переселить жильцов и реконструировать дом и прилегающую территорию.

Мысль о необходимости такого музея, который бы увековечил память Феликса Михайловича Блуменфельда, поддержали ректор Московской консерватории Б. Куликов, народные артисты СССР Святослав Рихтер, Геннадий Рождественский, Иван Козловский, Игорь Ильинский.

Мог ли я остаться в стороне и как музыкант, и как руководитель Союза композиторов страны, и как народный депутат! Обратился с письмом к министру культуры Украинской ССР товарищу Ю. А. Олененко с просьбой поддержать нас, предложив помощь и участие Союза композиторов СССР, Московской и Ленинградской консерваторий в создании экспозиции музея и памятной доски. Надеюсь на скорое и деловое решение.

Когда занимаешься такими вот вопросами и в какой-то мере видишь результаты своих и общих трудов, это очень помогает работать, прибавляет энергии. К сожалению, бывают в моей практике и иные случаи. Не так давно я с большим огорчением узнал, что одна из лучших музыкальных школ Москвы — детская музыкальная школа № 8 Октябрьского района находится на грани ликвидации. Ей предложили освободить занимаемое помещение — этаж в здании школы рабочей молодежи. И кто же, вы думаете, пошел на такое в высшей степени необъяснимое предложение? Поразительно, но это сделал исполком райсовета. У этой школы замечательная биография. За сорбк четыре года существования она провела огромную работу по музыкально-эстетическому воспитанию ребят. Ее питомцы много раз успешно выступали во Всесоюзном Доме композиторов. С коллективом школы дружили композиторы Виктор Белый, Фикрет Амиров, а Арам Ильич Хачатурян называл ее лабораторией советской музыки.

Но даже если бы это была обыкновенная музыкальная школа, разве можно по каким бы то ни было

причинам ликвидировать прекрасно оборудованное (это стоило немалых средств!) помещение, лишить возможности приобщаться к музыке триста способных ребят из близлежащих микрорайонов? Ведь это идет совершенно вразрез с постановлением Верховного Совета СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» в части задач по значительному улучшению художественного образования и воспитания учащихся.

Я обратился по этому поводу в Московский городской комитет партии и очень надеюсь, что там поправят недальновидных руководителей из Октябрьского района.

Интересы детей — вот решающий фактор в любом деле.

— Я знаю, что Союз композиторов СССР ведет большую, многолетнюю систематизированную работу по музыкальному воспитанию детей и юношества...

— Да, это так. Мы посвятили этому вопросу заседание расширенного секретариата Правления Союза композиторов СССР, взяв за основу постановление Пленума ЦК КПСС о школьной реформе. Поручение партии и правительства творческим союзам внести свой вклад в духовное воспитание новых поколений мы рассматриваем как особо важное государственное дело. У нас уже есть опыт помощи школе, накопленный деятелями искусств, в том числе опыт Дмитрия Борисовича Кабалецкого по разработке новой системы музыкального воспитания в общеобразовательной школе. Мы будем расширять его и совершенствовать.

Задача состоит в том, чтобы самые талантливые, самые яркие композиторы писали такую музыку для детей и юношества, которая помогала бы духовному и гражданскому становлению юной личности. Мы планируем проводить специальные конкурсы музыки для детей, освоить форму социального заказа композиторам сочинений для детей и юношества, включать концерты из этих произведений в программы всех фестивалей советской музыки, способствовать их изданию, созданию популярной литературы о музыке и музыкантах...

Мы видим необходимость в организации при Домах композиторов университетов музыкальной культуры и консультационных пунктов для учителей общеобразовательных школ и преподавателей профтехучилищ. Надо дать новые творческие импульсы «Пионерским музыкальным собраниям», «Музыкальным вечерам для юношества» и другим формам массовой работы с ребятами разных возрастов. Словом, дел много...

— Но эти важнейшие общественные дела, по-видимому, все-таки не мешают личным творческим планам? Над чем вы сейчас работаете?

— Пишу оперу «Золотой теленок». Очень люблю это изумительное сочинение Ильфа и Петрова, его яркую, меткую сатиру, которая весьма точно и остро бьет по многим целям и сегодня. Яков Халецкий, создавая либретто, очень бережно придерживался не только сюжетных и психологических линий, но и авторского языка. Большая часть этой двухактной оперы уже написана.

Недавно я играл ее в музыкальном театре имени К. С. Станислав-

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ского и Вл. И. Немировича-Данченко. Очень рад, что там она понравилась и принято решение ее ставить в новом сезоне.

— Тихон Николаевич, а что вы скажете о самых юных наших дарованиях, скрипаче Вадиме Репине и пианисте Жене Кисине?

— Для каждого из них музыка — это целый мир. Средоточие всех интересов. За те полтора года, которые я знаю Вадика Репина, он под руководством своего педагога З. Брона сделал невероятные успехи. Вадика присущи фантастический темперамент, энергия, внутренняя динамика. Его природная интуиция необычайна. Ему под силу произведения самых различных времен, стилей, жанров. Я прожил немало лет, слышал самых выдающихся скрипачей нашего времени и должен со всей ответственностью сказать, что уже сегодня Вадик Репин им не уступает.

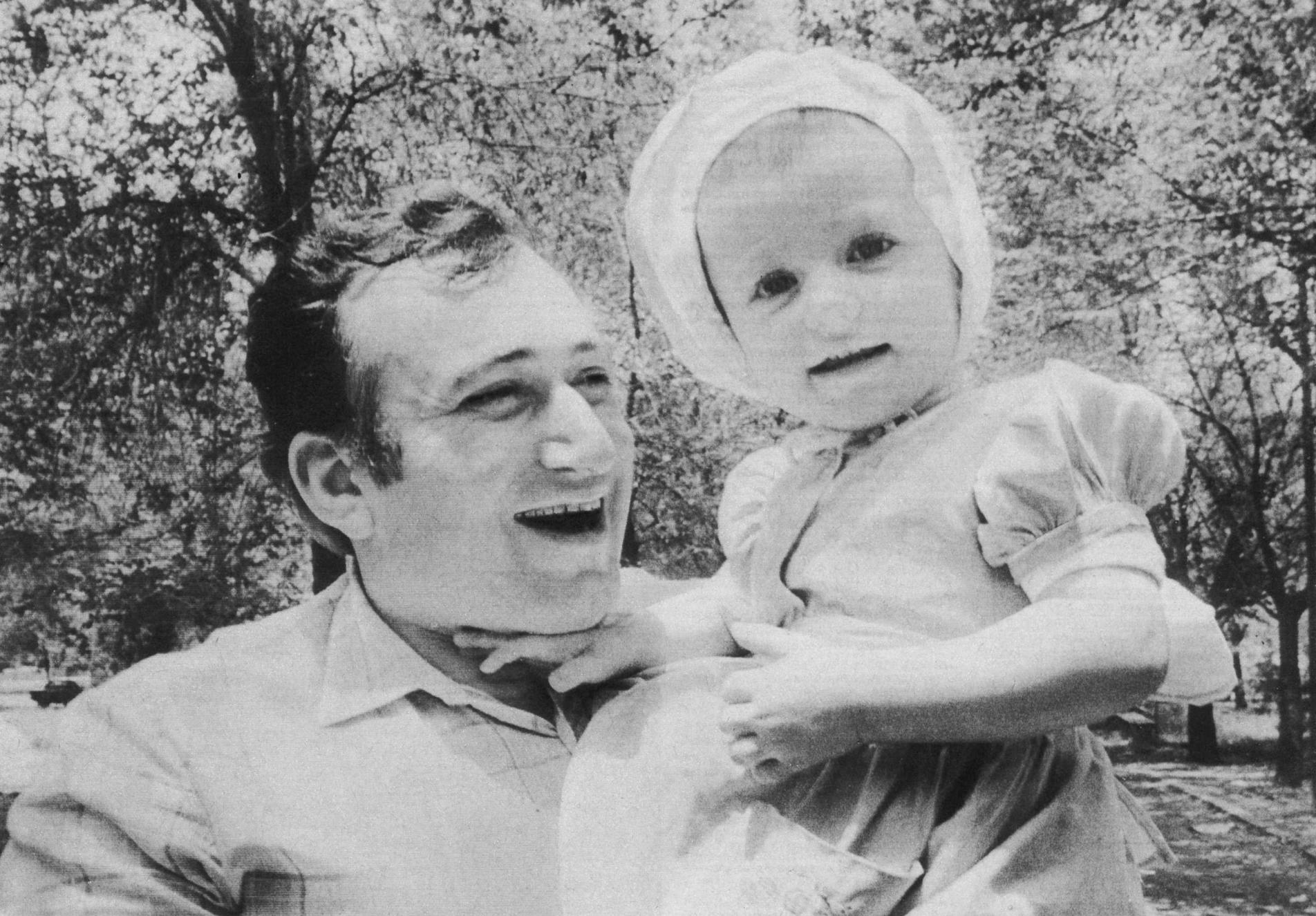
Недетская глубина, великолепная виртуозность, поэтичность, лирический романтизм отличают юного пианиста Женю Кисина — шестиклассника специальной музыкальной школы имени Гнесиных (педагог А. Кантор).

Наша скрипичная и фортепьянная школа, советское исполнительское искусство могут гордиться такими замечательными учениками.

— В следующем году состоится важнейшее в жизни Союза композиторов СССР событие — VII съезд Союза композиторов СССР. Как готовятся к нему музыканты?

— Да. В конце февраля — в начале марта будет проходить VII съезд Союза композиторов СССР. Мы уже начали подготовку. Мы хотим, чтобы наш съезд вновь призвал всех, кто служит музыке, достойно, творчески встретить великие исторические события — 40-летие Победы над фашизмом и XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Мы хотим, чтобы наш съезд, как и Второй музыкальный фестиваль, приобрел характер мирового события в музыкальной культуре, чтобы еще более страстно, вдохновенно и мощно прозвучал над планетой наш девиз «Музыка за гуманизм, за мир и дружбу между народами».

Беседу вела Ирина ПИРОГОВА.

Семья Шаварша Карпетяна.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Троллейбус, мчавшийся по берегу Ереванского водохранилища, вдруг резко свернул вправо и, рухнув с высокой дамбы, ушел глубоко под воду. Оказавшийся неподалеку многократный рекордсмен мира и чемпион Европы по подводному плаванию Шаварш Карпетян вместе с братом Камо бросились на помощь утопающим и спасли 20 человек.

Сообщение об этом взволновало всю страну. Тысячи и тысячи людей пишут братьям. На большинстве конвертов слова: «Ереван. Шаваршу Карпетяну». Люди выражают восхищение редкостным мужеством человека. Вместе с тем во многих письмах — недоумение и вопросы...

— Шаварш Владимирович, вас у проходной ожидает какой-то человек.

Шаварш вышел, огляделся.

— Вы меня ждете?... — И осекся, взглянув в лицо незнакомца.

Тот медленно приблизился к Шаваршу и долго смотрел ему в лицо. Потом прижал к себе, положил голову на плечо Шаваршу, и тот почувствовал, как телу его передается дрожь.

— Кто вы? Скажите, в чем дело?

Но человек медленно побрел прочь. Шаварш в растерянности шел вслед.

— И все же, кто вы? Прошу вас, скажите хоть слово.

Тогда незнакомец обернулся и снова обнял Шаварша.

— Там, в троллейбусе, погиб мой сын... Почему я не был с ним?!

...Шаварш остановил машину у дамбы. Мы вышли.

— Здесь, — сказал он. Было солнечно и жарко, совсем

не как в тот далекий холодный осенний день. Безмятежно и весело шныряли байдарки детской спортивной школы, то и дело пересекая ЭТО МЕСТО. Может быть, мальчишки и вовсе не знали, что именно здесь без малого восемь лет назад произошла страшная трагедия. Одним стоившая жизни, а для других обернувшаяся неправдоподобным спасением.

Память наша пристрастна и нелогична. Мы умеем помнить обиды и иногда бессознательно не оставляем места благодарности. Однако можно ли не отыскать ту руку, что простерлась к тебе в жуткий миг, когда сердце едва выстукивало последние удары, а надеяться было уже не на что и НЕЧЕМ, потому что сомкнулась вода и нить, связывавшая твоё сознание с реальностью, порвалась? Можно ли не отыскать ту руку, чтобы просто прикоснуться к ней щекой?

Я ехал в Ереван с твердой уверенностью, что такое невозможно. И не ошибся...

Мы молча стояли у воды, и я уже явственно представлял себе картину происшествия, дополнен-

ную теперь множеством новых подробностей.

Шаварш и Камо заканчивали двадцатикилометровую кроссовую тренировку: семь кругов вокруг водохранилища. Оказывается, Шаварш нес двадцатикилограммовый мешок с песком на плечах — для нагрузки. Оказывается, троллейбус упал в ста метрах от спортивных и утонул в 25—30 метрах от берега, а там глубина около десяти метров. Оказывается, температура воды была 12—13 градусов, что на десять градусов ниже «рабочей» температуры спортсменов-подводников, к тому же разгоряченных изнурительным бегом.

Полтора десятка секунд бега. Полтора десятка секунд на решение. Мыслям, ЧТО делать, места не было, на то существовала ЗАПРОГРАММИРОВАННОСТЬ, сформированная всей жизнью. За эти полтора десятка секунд предстояло выбрать из нескольких молниеносных решений, КАК делать, — лучшее. Шаварш четко представил себе, что ошибка, как и промедление, не подобна смерти, но смерть. Сколько людей оказалось сейчас под водой, он

ЭХО МУЖЕСТВА

не знал. Впрочем, это уже не имело значения.

Он велел Камо оставаться на поверхности воды, а сам устремился вниз. Сквозь стенки стеклянного гроба различил едва двигавшиеся тени. Ногами разбил стекло, вплыл внутрь...

Владимир Самсонович Карапетян находился на работе, когда кто-то крикнул в окно: «С дамбы в воду упал троллейбус!»

Отец мчался в машине, зная, что в эти минуты Шаварш и Камо там. «А если так,— думал отец,— они пойдут в воду». Когда он сквозь плотное кольцо людей прорвался к дамбе, Шаварш поднял второго человека и крикнул: «Акваланги!»

Акваланги тут же нашлись. Но в них не оказалось воздуха. Не было и загубников. Это стоило жизни минимум десятерым.

...Мать братьев Карапетян Асмик Карапетовна — женщина с глазами красивыми, пронзительными и печальными. Мне видится в этих глазах печать той трагедии. Даже сейчас, спустя столько лет, она вспоминает о ней так, будто все это произошло вчера.

— Я человек жесткий,— говорит мать.— И на работе и дома. Никогда никаких поблажек дети от меня не знали. Муж совсем другой. Он — сама доброта.

Владимир Самсонович разводит руками.

— Наверное, она права.

И вот отец стоял на берегу и каждый раз уходил с Шаваршем под воду. Он видел, что тело сына истерзано осколками оконного стекла, знал, что одна только потеря крови может в любой момент стоить ему жизни. Молчание отца было благословенным, оно было страшнее и громче предсмертного крика... Отец знал: эту работу во всей Армении мог выполнить только его сын.

Еще я узнал, что один из спасаемых, как только Шаварш коснулся его, бессознательно вце-

пился в своего спасителя, силы которого были уже на исходе. Что в следующий раз Шаварш на дне потерял сознание и лишь профессиональная подготовка вернула ему способность к дальнейшим действиям. Что на каком-то из подъемов он наткнулся на чьи-то ноги и едва из них выпутался: оказалось, это один осведомец решился прыгнуть в воду, да плавать едва умел. Что троллейбус был поднят на поверхность через 44 минуты после катастрофы и опять же с помощью Шаварша, который, в последний раз уйдя под воду, завел трос через салон троллейбуса, после чего всплыл и потерял сознание.

Что полтора месяца он не приходил в себя: заражение крови, жесточайшая пневмония и сильное нервное истощение. Что, выздоровев, он вернулся в большой спорт, да как — сумел установить еще один мировой рекорд: в плавании на четыреста метров с аквалангом (в котором был воздух). Что последствия того происшествия Шаварш ощущает по сей день: постоянные приступы кашля и сильнейшая аллергия к воде, находится в которой он не может более четырех минут,— все тело покрывается густыми красными пятнами и сковывают судороги. Трудно себе представить, как он тогда вернулся в спорт. Но так было!

Шаварш плыл к своему последнему мировому рекорду с моноластой новейшей конструкции, разработанной Владимиром Самсоновичем Карапетяном и получившей затем всеобщее признание, принятой на вооружение нашими и зарубежными спортсменами-подводниками. Чтобы вернуть Шаво в большой спорт, в большую жизнь, самый младший из братьев, мастер спорта Анатолий Карапетян, который в день трагедии на водохранилище сдавал экзамены, оставил выступление на дорожке и целиком по-

святил себя тренерской работе с братом. Уверен, что для полноты объяснения поразительных дел Шаварша Карапетяна все это имеет значение отнюдь не второстепенное. На Марсе яблоки не цветут — не с чего, не на чем.

Дед Шаварша, Самсон, однажды спас мальчика, затянутого в бурлящий круговорот холодной горной речки. Это было трудно и опасно. Владимир Самсонович часто рассказывал о том случае детям. Сам же он, как считает, никаких значительных поступков не совершал. Но ведь вся жизнь состоит из поступков. Больших и малых. Для ребенка едва ли не всякий поступок любимого отца назидателен. Необязательно говорить: «Будь честным. Будь смелым». Если за этими словами нет самой личности сеятеля, они не дают всходов.

Лет пятнадцать назад Владимир Самсонович работал главным механиком дорожно-строительной организации. Как-то на одном из участков дороги с откоса рухнул экскаватор. Машинист не пострадал, машина как будто тоже была в порядке, но отнесло ее далеко от дороги, и вытащить, казалось, почти невозможно. Неудачник был в отчаянии, и тут один лихой молодец согласился помочь, но не бескорыстно. Однако нарисовал такую сумму, что машинисту — хоть по миру иди. Владимир Самсонович, узнав про все, подогнал два бульдозера и кран. Подготовили дорогу, и через несколько часов экскаватор затархтел своим ходом. Шаварш все это видел и знал, что отец отказался взять даже рубль. Но сын ничуть не удивился. Удивление имело б место, если бы рубль был взят. Это Карапетяны. Это нормально.

В Ереване мне довелось узнать еще об одной критической ситуации в жизни Шаварша — ситуации, когда для решения вопроса, КАК ДЕЛАТЬ, времени было еще меньше, чем тогда на водохранилище.

Через 44 минуты после трагедии.

Родители на месте драмы.

Спасибо тебе, Шаво!

В семье Терезы Согомонян (вторая слева), спасенной Шаваршем, Нелли и Шаво всегда желанные гости.

Причем это случилось двумя годами раньше, в 1974 году.

Автобус «ПАЗ» возвращался со спортсменами из Цахкадзора, Шаварш сидел возле самой двери. На одном из спусков водитель остановил машину и вышел в ожидании других пассажиров. Как выяснилось позже, у автобуса не работали тормоза, и водитель, зная это, преднамеренно зацепил заднее колесо за камень. Но камень оказался мал и слаб. Автобус тронулся с места и стал быстро набирать скорость, приближаясь к глубокой пропасти. Дверь, около которой сидел Карапетян, была открыта, но вопроса о том, прыгать или нет, не было. Ему оставалось две-три секунды на то, чтобы решить, КАК ДЕЛАТЬ. Как остановить машину? Он разбил оградительное стекло кабины водителя, прыгнул на его место и рванул ручной тормоз. Увидев, что толку никакого, развернул автобус поперек дороги и так остановил его. До пропасти оставались сантиметры. А в салоне — 30 человек, которых приплюсуем к тем двадцати. Столько уместилось на шкале всего одной человеческой жизни!

Интересно, что о происшествии на горной дороге родители Шаварша узнали лишь через семнадцать дней, прочитав маленькую заметку в газете «Физкультурник Армении». В семье Карапетянов слова не в почете.

И не только в семье. Однажды вместе с Шаваршем, его женой Нелли и детьми поехали мы в селение Бюракан к родственникам и друзьям Карапетянов. Было шумное и веселое застолье. Домашний детский концерт, танцы. Много тостов. И меня уже не удивило, что ни в одном из них не прославлялись подвиги Шаварша, хотя любовь к нему читалась в каждом взгляде. Люди слишком дорожили этой любовью, чтобы все говорить о ней.

Через два дня мы отправились к Терезе Согомоян, женщине, возвращенной Шаваршем к жизни в тот страшный день. По пути он часто останавливался, выходил из машины и тут же возвращался, все мрачнее раз от разу. Я спросил Нелли: «Чем он так озабочен?» Она ответила: «Цветы ищет, а время позднее, киоски закрыты». Наконец он вернулся с превосходными розами, сел за руль и замурлыкал что-то себе под нос. Я тогда сказал ему, что при таком цейтноте можно было ехать и побыстрее, во всяком случае, чуть поспелее, порискованней. «Тем более,— добавил,— что водительский стаж у тебя двадцать лет».

«Я так поеду,— ответил он,— а кто-то же, наверное, увидит и подумает: вон поехал нахал Карапетян. Неудобно».

Он себе цену знает. И вот теперь, приближаясь к квартире Терезы Согомоян, я подхожу к самому, казалось, странному в той истории 1976 года.

Нескончаемым потоком идут письма, многие тысячи писем. В них преклонение перед подвигом Шаварша, признания, что он заставляет по-новому взглянуть на себя, свои поступки, свое отношение к людям, к жизни. Так что подвиг Карапетяна — это не только двадцать спасенных человеческих жизней. Речь идет об исцелении душ. И нет им числа.

Но обратимся к тем двадцати, вернее, к тому, что нам казалось странным в их поведении. Постоянно в письмах задается вопрос: где были они все эти годы? Где сейчас? Почему не пришли к нему?..

19 мая Шаваршу исполнился 31 год. Дом его был полон гостей. Пришли поздравить Нерсес Давтян, Юрий Титирян, Иван Гусев со своей женой Евдокией, Мартын Карпеян, Эдик Авакемян, Арутюн Алоян, Тереза Согомоян. Да, это они, спасенные. Ничего, что самого Шаварша не оказалось дома, в тот день он находился в командировке в Москве.

Долго они искали своего спасителя, куда только не обращались. Ответ так или иначе сводился к одному: «Вас спасали все».

Действительно, только троллейбус упал в воду, к месту происшествия бросились все, кто находился на берегу и на воде. Лодки перевозили спасенных на берег. Не было недостатка в машинах «Скорой помощи». Не понадобилось никаких указаний на то, чтобы подвести к дамбе два подъемных крана для буксировки троллейбуса.

И все же с удивлением (мягко говоря) приходится говорить о том, что нашлись в Ереване административные граждане, которым угодно было оставить героя в безвестности. Более того, постараться получить некую выгоду от его подвига. Когда я спросил Владимира Самсоновича Карапетяна: «Неужели это правда?» — тот, помолчав, ответил: «Не нужно об этом, сынок».

Семья Карапетянов не стала о них ничего говорить, просила не называть их имена, чему я с сожалением и следую.

чами шести десятков прожитых и пережитых лет. Мчался так, словно в груди его стучали крепкие сердца всех трех сыновей.

Женщины в кровь кусали губы. Может быть, кто-то успел вспомнить про Гагарина, который должен был остаться в живых для всех нас. Но который не мог жить иначе... Шаварш и отец мчались в пламя. Тучи судьбы вновь сгустились в точку.

Но еще быстрее мчались машины пожарной команды и успели на какое-то мгновение опередить Карапетянов. Пожарные приступили к делу, зона была оцеплена. Профессионалы на этот раз оказались на месте. Владимир Самсонович тяжело опустился на тротуар. Поднял глаза на сына. Постарался улыбнуться.

Но не получилось.

«Единственная возможность придать смысл собственному бытию состоит в том, чтобы человек свое естественное отношение к миру поднял на уровень духовного...» — писал Альберт Швейцер. — Как существо деятельное, он устанавливает духовную связь с миром тем, что он живет не для себя, а осознает свое сродство со всей жизнью, которая окружает его, переживает ее судьбы, как свои собственные: всегда сколько может помогает ей и воспринимает свою помощь и спасение жизни как величайшее счастье, какое только может быть ему доступно».

Жизнь счастливого человека бурлит, как и прежде. Шаварш окончил институт физкультуры и институт планирования народного хозяйства. Занят сейчас строительством водноспортивного комплекса. Когда построит, будет его директором.

Почта последних дней.

Зато я с радостью назвал имена нескольких спасенных. Они нашлись, объявились почти все, как только увидели свет первые строки о подвиге Карапетяна. Первый раз спасенные встретились с ним в конце 1982 года в центральной детской библиотеке Еревана. Многие себе представить, что это была за встреча... Нет, представить невозможно.

И вот по окончании встречи, когда ее участники вышли на улицу, все вдруг увидели густые облака дыма и жадные языки пламени. В нескольких кварталах от библиотеки разгорался пожар.

В тот же миг все подумали о Шаварше и стали искать его глазами. Тщетно. Его не было.

Шаварш и Владимир Самсонович уже мчались через улицу, лавируя между прохожими и машинами. Человек в критический миг становится во сто крат сильнее. И моложе. Отец не отставал. Он мчался так, будто не было за пле-

Дела идут туго, большие трудности с поставками стройматериалов. Надеется, что через два года строительство завершится. Но не очень в это верит. Сетует на такую свою нынешнюю жизнь:

— Каждый должен заниматься своим делом. Но меня сюда направили, а я коммунист.

— А когда построишь комплекс?..

— Ну, тогда другое дело.

В общем, мечтает о том времени, когда начнет возрождать былую славу армянских подводников.

А еще мечтает о том, что у него будет много детей («Пока у меня только две дочурки»). Вспоминаю при этом его тост в Бюракане:

— Я желаю, чтоб у каждого из вас была на всю жизнь только одна женщина и много-много детей!

Ах, Нелли, Нелли! Какая же ты счастливая женщина!

Фотография из домашнего архива.

Семилукская роща

Валентин СИДОРОВ

* * *

Неужто рассорилась Муза
На вечные веки со мной,
Не выдержав перенагрузок
Моей круговерти земной?

Неужто в густеющем мраке,
Приблизив последний предел,
Я вывел волшебные знаки,
А их разгадать не сумел?

Неужто в тиши сокровенной,
Рождающей радость в душе,
Серебряный голос Вселенной
Меня не разбудит уже?

И будет подобен закату
Холодный и праздный рассвет.
Неужто все это взаправду?
...И Муза отвечает: — Нет.

* * *

Стоит туман над тихим Доном,
Такой седой, такой густой,

Что еле видно, как по склонам
Трепещет летний травостой.

В конце проспекта городского
Среди задымленных бугров
Я угадать пытаюсь снова
Изгибы прежних берегов.

Когда ж туман осядет ниже,
Когда уйдет в лесной прогал,
Я вновь увижу, вновь услышу:
Я все неверно угадал.

Как будто ветки краснотала,
До боли белое село
И все, чего теперь не стало,
Седым туманом унесло.

Здесь все не так.
Здесь все иное.
Другой пейзаж и небосвод.
И даже солнце надо мною
Ущербным месяцем плывет.

* * *

Я не жажду вчерашнего пыла.
Потускнели поля и дома.
Осень жизни уже наступила.
Осень жизни, а завтра — зима.

Завтра, завтра
свистающей поземкой,
Превратившейся
в бурю и вихрь,
Все, что помню,
в свинцовых потемках
Будет скрыто от взоров живых.

Снег придавит холодную хаю,
Остановит течение вод.
А весна, ослепив синевой,
Может быть, для того и придет,

Чтоб спокойной
и чистой душою
Ты бестрепетно принял ее
И приветствовал солнце чужое
С той же радостью, как и свое.

* * *

В нескончаемом гаме и гуле,
Столь привычными нынче
для нас,
Голубые ворота июля
Распахну
в предназначенный час.

Я спущусь
по замшелому склону
Мимо древних коряг напрямик,
Где укрылся
под темною кроной
Чистый-чистый, как небо,
родник.

Над притихшей и влажной
травой
Голос мой зазвучит не впервой:
— Я пришел за водою живою,
Как когда-то за мертвой водой.

Здесь под сенью
безмолвного дуба
В сокровеннейшем центре Руси
Припаду к заповедному срубу:
— Напои. Исцели. Воскреси.

СЕМИЛУКСКАЯ РОЩА

Повторяю
маршрут прошлогодний.
Сколько раз повторялся уж он.
Сколько раз — и не вспомнишь
сегодня —
Я к тебе приходил на поклон.

Я искал сокровенное слово,
В каждый шорох, как в тайну,
вникал.
Я беседовал с тенью Кольцова
И речам его тихим внимал.

И случалось всегда почему-то,
Если шел разговор по душам,
То, как правило, в эту минуту
Нам с тобою никто не мешал.

Роща, роща. Плакучие ивы.
(Но не плакали — пели они.)

И воистину был я счастливым,
И воистину жил в эти дни!

* * *

Я воскрешаю в памяти
тропинки,
Я воскрешаю в памяти своей
И легкий трепет
скользкой паутинки,
И звучное паденье желудей.

Подсчет годов
ведет кукушка где-то
В прохладной и прозрачной
полумгле.
Наполовину умершее лето
Лежит травой пожухлой
на земле.

Ну вот и август на исходе вроде.
Прощай, прощай.
Но говорит народ,
Что все проходит,
да не все уходит.

Так пусть мгновенье это
не уйдет.

* * *

Неотвратима в сердце
ностальгия
И белоснежна, словно полотно,
И с нею лишь рифмуется
Россия,
А больше не рифмуется никто.

Исколесивший, может быть,
полсвета
(Не подсчитаешь,
сколько налетал),
Я знаю это. Точно знаю это.
Не понаслышке знаю. Испытал.

Вдали, вдали от светлых рек
России,
Плакучих ив и полевых дорог
Не представляю,
как живут другие.
Не понимаю. Я бы так не смог.

среди книг

ИСТОЧНИК СИЛЫ

Роман Леонида Корнюшина «Отчаянная земля» — о жизни небольшой деревни на Смоленщине в предвоенные годы и в самый тяжелый для страны первый этап Великой Отечественной войны. Книга как бы продолжает тему, начатую писателем в романе «Бессмертник», где автор рассказал о ломке векового крестьянского уклада, о первых коммунарах смоленской Лукашовой.

В романе «Отчаянная земля» вновь встречаемся мы с Мансимоном Золотухиным — бессменным председателем лучшего в районе колхоза. Сложные конфликты возникают у него с бывшим активистом коллентивизации Григорием Мироновым. Время изменило Миронова — теперь он работает в областном центре на ответственных должностях, приобрел «некоторую начальственную солидность». То, что Золотухин прочно стоит на родной земле, вызывает неосознанную досаду Миронова: «Странно распоряжается жизнью, — мелькнула у Григория мысль, — тогда он ходил в выгоревшей гимнастерке — и теперь в кургузом пиджаке. Но горд и счастлив. Чужден человек...» Столкновения Золотухина с Ми-

Л. Корнюшин. Отчаянная земля. М., «Молодая гвардия», 1983, 512 с.

роновым проходят через всю книгу. Особенно они обостряются, когда оба оказываются в одном партизанском отряде. Во время атаки лагеря военнопленных Миронов вместо обходного маневра бросил партизан прямо на пулеметы фашистов. Миронов убеждал себя, что он честно, «как боец, выполнил свой долг во время нападения на лагерь, но он вспоминал немой унор в глазах тех, которых он послал на явную смерть, и в нем начала расти неуверенность».

Иначе расценивает решение Григория Золотухин: «Миронов не трус, не шкурник... Он, не задумываясь, может в бою проявить героизм — сердце его не дрогнет, я знаю. Но оно у него также не дрогнуло, когда послал он на явную убой бойцов...» Этот конфликт двух людей, идущих, казалось бы, в одной цели, но совершенно разными путями: Золотухина, честно и внешне неприметно выполняющего свой долг, и Миронова, мечтающего «вернуться из боя на лихом коне», — имеет трагическую развязку. «Я погубил бойцов, и они думают, что я дрожу за свою шкуру» — так рассуждает Миронов, уходя на ответственное задание, из которого, он знает, не вернется, и, глядя на спящего в землянке Золотухина, думает: «Хотел бы я по-братски относиться к тебе, но давно ты встал на дороге. Никогда не при-

мирюсь я с тобой! А жизни своей я не пожалею».

Война, дни оккупации беспощадно обнажают истинную суть человека. «Неподкупный» налоговый инспектор Чернявский, попав в плен, стал доносчиком и выдал немцам советских офицеров, оказавшихся в лагере. Но предателем Чернявскому, старосте Люшне, новоиспеченному бургомистру Лещову противостоит главный герой «Отчаянной земли» — русский народ. Это колхозники — Елизавета Мортянина, Илья и Катерина Лукашники, встретившие смерть с гордой поднятой головой, командир партизанского отряда секретарь райкома Тарасов, сын Золотухина Алексей, его друзья Петр и Николай. Автор знает этих людей — он родился и вырос на Смоленщине. Об их нелегком труде и ратном подвиге писал он в сборниках «Житийское поле», «Запах утренней росы», «Польнь».

В новом романе Леонида Корнюшина видим мы родную, политую кровью, поэтому еще более дорогую нам русскую землю. «Нечерноземная, неплодотворная родная моя Смоленщина, раскинувшаяся неброско и величаво», ставшая источником силы для людей, которые «украшили эту землю своими трудами и сами легли за нее».

В. ПОТРЕСОВ

Е. Мустяца. Род. 1959. ПУШКИН В МОЛДАВИИ. 1984.

Выставка дипломных работ выпускников Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова

Е. Куранская. Род. 1956. НА ТИМОЙ ГОРЕ. КАРЕЛИЯ. 1984.

Выставка дипломных работ выпускников Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. КЛЮЕВА

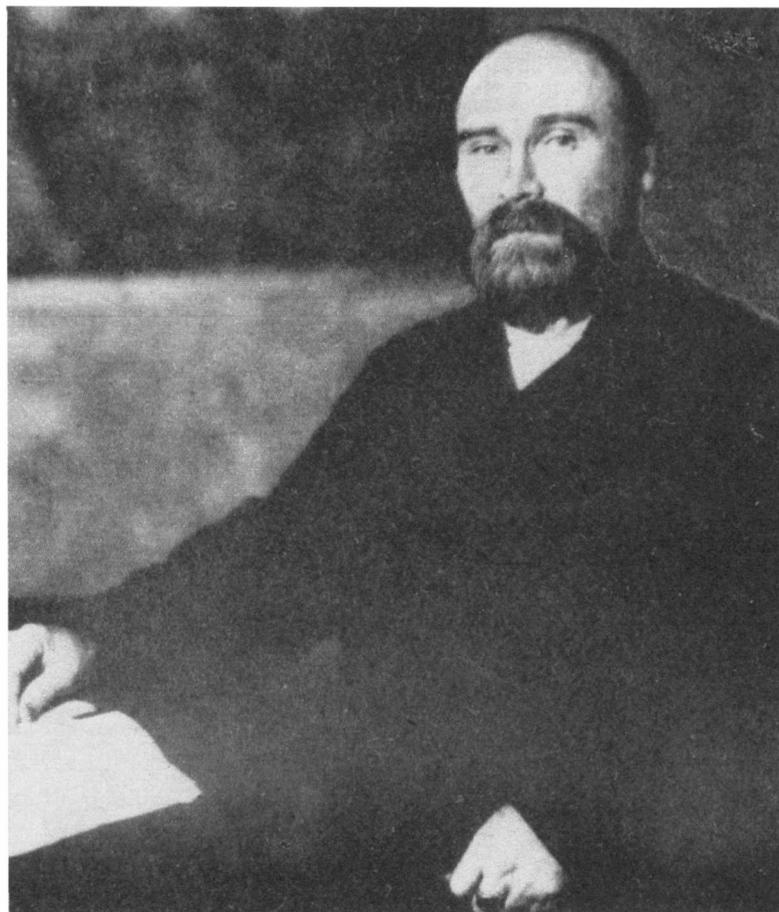
Вдесятые годы нашего века мощно заявила о себе в русской поэзии плеяда поэтов из народа, которые тогда же были названы «новокрестьянскими». И первой в этой плеяде засияла звезда Николая Алексеевича Ключева, звезда, которую он сам позже назвал «узурной и избяной».

Редок и огромен его поэтический дар. Крестьянин родом из глухой заонежской деревни Коштуги, Ключев с малолетства не только пил млеко суровой, подчас жестокой жизни, но и воспитывался в стихии русского северного говора, народных сказов и былин. И даже не то чтобы воспитывался: он был рожден этой стихией особой красоты и самоцветности. Вслушивался счастливо; быть может, неосознанно всматривался в «певучую глубину» родного слова. Какие скрытые радости и картины открывались ему? Какой тайный лад пестовал, лепил его живую душу? Глубокие корни души разветви-

конца его дней — сольется в его стихах с не менее страстным устремлением к творческому воплощению красоты Родины и Мира.

Ключев смолodu тянулся к людям, родственным ему по духу. Земляки поэта вспоминают про его встречи с политическими ссыльными, жившими в Заонежье. Видимо, через них завязывается переписка, а затем и знакомство Ключева с петербургскими интеллигентами-народниками. Близким Ключеву человеком становится поэт Л. Семенов, университетский товарищ Блока, активный участник первой русской революции, не раз арестовывавшийся царской охранкой. В июне 1907 года Ключев писал Семенову: «...насчет спроса про А. Блока — это не потому, что Вас одного мне мало — а потому, что я прочитал в газетах, что Вы «сидите», ну, спросил про Блока — не желал бросать стихи». Скорее всего Семенов пошел навстречу этому ключевскому «спросу», ибо уже спустя три месяца Ключев отправил Блоку письмо. Оно положило начало переписке поэтов, длившейся более пяти лет.

Письма Ключева, встречи с ним произвели на Блока исключительное сильное впечатление. Они совпали с происходившим тогда движением Блока в сторону глубокого народного сознания. В сумятице беспорядочных мелких волн новомодных литературных течений, всякого рода быстросменяемых ветров его душа испытывала желание целостности отечественной культуры, духовной устойчивости... Блок сообщает Е. П. Иванову в сентябре 1908 года: «Если бы ты знал, какое письмо было на днях от Ключева... Это — документ огромной важности (о современной России — народной, конечно), который еще и еще утверждает меня в моих заветных думах и надеждах». Он читает ключевские письма друзьям, не раз обращается к ним в своих статьях... Молодой олонецкий крестьянин явился в мире Александра Блока и в русской культуре прежде всего не как начинающий поэт, но в духовном

Н. А. Ключев. Фото второй половины 20-х годов. Публикуется впервые.

ПЕСНОСЛОВ

лись, навсегда ушли в почву русского Севера. Здесь и природа, быт, язык, и склад народного характера, и добрый, на всю жизнь запечатленный в памяти талант матери-сказительницы Парасковьи Дмитриевны, и пути-дороги собственной молодой жизни.

Но в ранних ключевских стихах еще не проявилась, не дохнула родная, самобытная почва севера России. Первоначальное литературное слово Ключева не осознавало еще своего родства с устной поэтической традицией. Молодой поэт пока и не примерялся к будущей своей Песне. Он испытывал различные влияния, осваивая творчество Кольцова, Некрасова, поэтов-демократов 1870—1880-х годов, не проходя мимо стихов, проникнутых городскими мотивами и настроениями... Но подражательность раннего Ключева уже тогда сочеталась с исключительным даром импровизации, который в пору его творческой зрелости развивался особенно мощно. Чувства лада, стремление (в то время еще подспудное) выразить словесно свое многовековое поэтическое наследие, тяга к стихосложению — все это соединилось в предреволюционную эпоху с особым настроением юной души. «Но не стоном отцов моя песнь прозвучит, — утверждал молодой Ключев, — не безгласным рабом, проклиная житье, а свободным орлом допою я ее». Этот страстный порыв к свободе и свету позднее — и навсегда, до

своим качестве — как выразитель глубинных народных начал.

Велика была роль переписки с Блоком и в жизни Ключева (письма Ключева к Блоку готовятся к публикации в «Литературном наследстве»): она помогла ему утвердиться в правильности избранного им поэтического пути. Блоковские советы по поводу стихотворной техники и композиции попадали на благодатную почву, не случайно первая книга Ключева, «Сосен перезвон», была высоко оценена критиками самых разных направлений.

И все же 1907—1911 годы были для Ключева годами исканий. Он еще должен был ощутить корни собственного поэтического слова, найти ему верное направление. Дорога Ключева к самобытности явно прослеживается от сборников «Сосен перезвон» (1911) и «Братские песни» (1912) и пронизанным фольклорной стихией «Лесным былям» (1913) и «Мирским думам» (1916). В 1917 году он стал готовить к изданию собрание своих сочинений, две книги которого были выпущены Народным комиссариатом по просвещению в Петрограде под названием «Песнослов» (1919). Замерцал, засветился драгоценно ключевский словесный орнамент, в котором дышала, билась чуткая душа подлинного поэта. «Я из тех, кто имеет уши, улавливающие звон березовой почки, когда она просыпается от зимнего сна...» — замечал о себе Ключев в одном из писем. Его поэзия в пору духовной зрелости шла от непричесанной, обжигающей, творимой на глазах жизни и одновременно от традиции народной устной поэзии, постоянно источая «сказ медвяный». Это рождает порой ощущение, что голосом поэта как бы говорит сама Мать-Природа. И лик ее начинает смутно просвечивать сквозь поэтическую ткань ключевских строк:

От сутемок до звезд и от звезд до зари
Бель бересты, зыбь хвой

и смолы янтари,
Перекличка гагар,
вод дремучая дремь,
И в избе, как в дупле,
рудопегая темь...

Чувствуя в себе многие «строительные начала» и «великое окрыление» души, он не только выражал себя в поэтическом слове, но и постоянно искал правду, учился, тяготел к проповеди... Народный поэт и философ, он наряду с другими чуткими к природной жизни мыслителями предощущал гибельность нарушения человеком экологического равновесия на земных пространствах:

...И от свирепого железа
В метель горящих чернолесий
Бегут медвежья, рысьи веси,
И град из рудых глухарей,
Кряквы, стрельчатых дупелей
Лесные кости кровью мочит...

Наделенный обостренным чувством справедливости, Ключев чутко воспринял и выразил подъем социального протеста масс в предреволюционную пору, сам участвовал в революционном движении 1905—1906 годов в Олонецкой губернии, восторженно принял Октябрьскую революцию. Он и тут явился народным поэтом. Революционный настрой и стремление к свободе никогда не отделялись в нем от чувства коренной культуры и крестьянского уклада жизни. Это было радостное принятие новой жизни и невозможность отказа от самого себя, от песни отцов. Вот где, по всей вероятности, таится заряд глубокой ключевской самобытности.

Его поэтическое зрение нераздельно с «Великим Народным Зрением». Народная сказовая тради-

ция, точно тропа, вела его в глубину многовековой культуры Древней Руси. Древнерусская литература, по признанию поэта, «осолила» его «до костей, до преисподних глубин духа и песни». Старинные краски светились откровением. «Молюсь на Андрея Рублева, Дионисия, Парамшина, выгорецких и устюжских трудников-образотворцев», — писал Ключев. Его взгляд и сердце были согласны с архитектурой «древних часовен, чей луковичный стиль говорит о горении человеческих душ, подымающихся в вечном искании правды к небу... Все это многогранно и затейливо отразилось в ключевском поэтическом слове, дало необыкновенную устойчивость его эстетическому и художественному мировоззрению, самой его личности.

Путь восхождения его был нелегок, а порой и тяжок. В его поэзии и судьбе отразились и трагические стороны эпохи. Но он был светоносен (вспомним блокковское: «Письмо Ключева окончательно открыло глаза...»). Влияние его на шедших и идущих вслед за ним русских поэтов, связанных с крестьянским началом, долговременно и плодотворно. Сергей Есенин, невзирая на мелкие и крупные размолвки, бывавшие между ним и Ключевым, не раз повторял друзьям и знакомым: «Люблю Ключева. Ключев — мой учитель». Не есть ли это для нас знак, чтобы мы пристальнее, внимательнее, с новой свежестью восприятия обратились к поэзии Николая Ключева и во всей полноте оценили ее непреходящую красоту и значение?

Владимир ЛАЗАРЕВ,
Сергей СУБОТИН

Публикуемые стихотворения Клюева печатаются по следующим источникам: «Пусть я в лаптях» — Центральный государственный архив литературы и искусства; «Завещание» — кн.: Клюев Н. Сосен перезвон. Изд. 2-е (1913); «Уж опоздилось... Скоро ужин...» — список, сверенный с автографом ИРЛИ; «Не коврига, а цифр клубок...» — копия, выполненная с автографа, хранящегося в частном собрании; «Задворки Руси — матюги на заборе...» — кн.: Клюев Н. Львиный хлеб (1922).
Письмо Клюева к В. С. Миролубову публикуется по копии рукой исследователя биографии и творчества Клюева, петрозаводского краеведа и библиографа А. К. Грунтова (1899—1984). Воспоминания Н. Ф. Христофоровой-Садовой даются по машинописной копии.

Николай КЛЮЕВ

ПУСТЬ Я В ЛАПТЯХ

Пусть я в лаптях, в сермяге
серой,
В рубахе грубой, пестрядной,
Но я живу с глубокой верой
В иную жизнь, в удел иной!

Века насилия и невзгоды,
Всевластье злых палачей
Желанье пылкое свободы
Не умертвят в груди моей!

Наперекор закону века,
Что к свету путь загородил,
Себя считать за человека
Я не забыл! Я не забыл!
<1905>

ЗАВЕЩАНИЕ

В час зловещий, в час могильный
Об одном тебя молю:
Не смотри с тоской бессильной
На восходную зарю.

Но, верна словам завета,
Слезы робости утри
И на проблески рассвета
Торжествуя смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующих забот,
Что взошел я новобранно
По заре на эшафот;

Что, осилив злое горе,
Ложью жизни не дыша,
В заревое пала море
Огнекрылая душа.
1908.

Уж опоздилось... Скоро ужин...
В печужке варится кисель...
А за оконцем, в дымке стужи,
Седые космы треплет ель.
Мне отдых кажется находкой,
И лаской песенка сверчка...
Душа избы старухой-теткой,
Дремля, сидит у камелька.

Прядется жизнь, и сказка длится,
Тысячелетья рóдит миг...
Буран, как пес, рычит и злится,
Что в поле тройки не настиг.

Потемки взором человечьим
Пытают совесть: друг иль тать?..
Отраднó сказкой, вьюжным
вечем,
Как явью, грезить и дышать.
<1914>

Не коврига, а цифр клубок,
Да голодной слюны осмина...
Помню Волгу, щаный дымок
Вкусней ржаного овина.

За таганом бурлацкий сказ,
Пляску барж — паруса-подолы,
С языка словесный алмаз
Прядал в русские темные доли.

И казалось, что жизнь — казан
С просяной румяною кашей.
Ермак и Кольцо-Иван
Улыбались артели нашей.

На узорной ложке Сечня
Выплясывала «черевики»...
Как в омут, нырнул в меня
Народ родной, песноликий.

Севастополь и Соловки
Теплят свечи в мозгу-церквушке,
И сердце Матки-реки
Тихозвонит в дедовской кружке:

«Помяни дымок просяной,
Как себя, как Русь-персиянку,
Я теку голодной слюной
От тверских болот на Казанку.

Кану в Каспий — стерляжий рай,
Где с напевным пшеном казаны,
Тамерланов Златой Сарай
Приютит мои караваны».
1919 или 1920.

Задворки Руси — матюги
на заборе,
С пропащей сумой красноносый
кабак,
А ветер поет о родимом

поморье,
Где плещется солнце — тюлений
вожак,

Где заячья свадьба, гагарьи
крестины
И ос новоселье в зобатом дупле...
О, если б в страницах златились
долины
И строфы плясали на звонкой
земле!

О, если б кавычки — стада
холмогорок
Сходились к перу — грозовому

ручью!
Люблю песнотравный гремячий
пригорок,
Где тайна пасет двоеточий
семью.

Сума и ночлежка — судьбина
поэта,
За далью же козлик — дымок
над избой
Бодается с просинью — внучкою
света...
То сон-колыбельный, доселе
живой.

Как раненый морж, многоротая
книга
Воззвала смертельно: приди!
О, приди!
И пал Карфаген — избяная
коврига...
Найдет ли изменник очаг
впереди?

Иль в зуде построчном,
в словесном позоре
Износит певучий Буслаев
кафтан?..
Цветет костоеда на потном
заборе —

Бесструнных времен
прокаженный коран.
1920 или 1921.

КЛЮЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ¹

«Дорогой Виктор Сергеевич! Спасибо и спасибо за весточку! Услышать от Вас несколько слов для меня приобретение. Усердно прошу и впредь не оставлять моих писем без ответа, особенно тех, которые порождены сомнениями о моем творчестве². «Нездоровая суета», которой я, как Вы пишете, должен остерегаться — мне ненавистна и никогда не обольстит меня, как и город, и люди, обожившие «Бродячую собаку»³. Совет же Ваш «гордо держать сердце» давно доказан мною делами, хотя бы, например, моих отношений к князьям поэзии. Еще посоветуете не уснащать местными словами «общих мотивов» — и этот совет лишь подтверждает мои размышления об общих мотивах», и до сих пор мною не написано ничего, что на общие мотивы, что бы было уснащено местными словами, — самое большое, что я себе позволяю, это четыре народных слова на 32 строчки стихотворения, и то помяну упомянутые слова предыдущим содержанием, в строгом согласии с формой и с замыслом стихотворения, т. е. так, чтобы не потребовалось никаких пояснительных сносок.

В меня не вмещается ученое понятие о том, что писатель-певец дурно делает и обнаруживает гадкий вкус, если называет предметы языком своей родной местности, т. е. все-таки языком народным. Такое понятие есть лишь недолговечное суеверие. Народная назывка — это чаще всего луч, бросаемый из глубины созерцания на тот или иной предмет, освещающий его с простотой настоящей силы с ее огнем-молнией и явной распетой жалостью, и не щадить читателя, заставляя его пробиваться сквозь внешность слов, которые, отпугивая вначале, мало-помалу оказываются обладающими дивными красотами и силой, — есть для поэта святое дело, которое лишь обязывает читателя иметь большой запас сведений и обязывает на большое с его стороны внимание. В присланном Вам мною «Беседе с Найгреше», представляющем из себя квинтэссенцию народной песенной речи⁴, есть пять-шесть

¹ Миролубов Виктор Сергеевич (1860—1939) — редактор и издатель широко известных в начале XX века журналов («Журнал для всех», «Трудовой путь», «Ежемесячный журнал» и др.). Клюев печатался в руководимых Миролубовым изданиях с 1907 года. Год отправки публикуемого письма устанавливается по его содержанию.

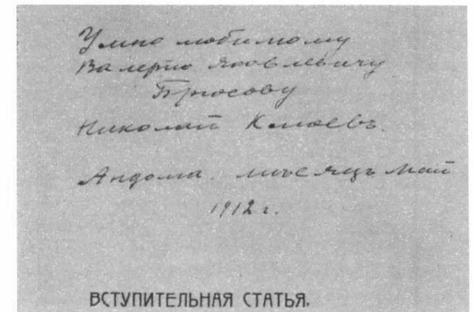
² Поэт имеет в виду свое письмо, отправленное Миролубову 17 марта 1915 года. Ответное письмо редактора, поминаемое Клюевым ниже, не сохранилось.

³ «Бродячая собака» — известное артистическое кафе в Петербурге — Петрограде (1912—1915 гг.).

⁴ «Беседный найгреш», стих добросильный — стихотворение Клюева, напечатанное в «Ежемесячном журнале» (1915, № 12). В письме к Миролубову (по-видимому, отправившем отправку этого сочинения редактору) поэт подчеркивал: «...в этой моей вещи, там, где того требовала гармония и власть слова, я оставлял нетронутыми подлинно народные слова и образы, которые я прошу не принимать только за олоушество, так как они (слова, наречия) держатся крепко, как я знаю из опыта, во всей северной России и Сибири. Некоторая густота образов и упоминаемых выше слов, которая на первый взгляд может показаться злоупотреблением ими — создалась в этом моем писании совершенно свободно по тем же тайным указаниям и законам, по которым, например, созданы индийские храмы...»

слов, которые бы можно было объяснить в подстрочных примечаниях, но это не только изменяет мое отношение к читателю, но изменяет и само произведение, которое, быть может, станет понятнее, но в то же время и станет совсем новым произведением — скорее нарушением моего замысла произвести своим созданием известное впечатление. Поэтому будьте добры и милостивы не делать никаких пояснительных сносок к упомянутому «Беседе с Найгрешем» и оставьте его таким, каким я Вам передал, причем напечатать его в майской книжке журнала, но не летом в июне, когда (как принято думать) пускаются вещи более слабые и бочком протискиваются папиросные стишки. Если же сие моление мое не приемлемо и трикратно помянутый Найгреш не заслуживает майской или осенней книжки, нуждаюсь к тому же в пояснительных примечаниях, то паки молю сообщить мне о сем, за что заранее приношу мою Вам благодарность.

Дорогой Виктор Сергеевич! Я подавал прошение о желании моем поступить братом милосердия, но поможой послужило мое увольнительное свидетельство по тяжелой болезни от солдатчины, то я думаю ехать в Петроград на пересвидетельствование, как Вы посоветуете? Ваше слово мне и в этом деле поможет. Брат у меня

Дарственная надпись Клюева на книге «Братские песни». Публикуется впервые.

бросил всю домашность и ушел добровольцем. В первых числах мая к Вам зайдет Алек. Ширявец⁵. К тому времени, может, и я буду в Петрограде, то Вы пошлите Ширявца ко мне по адресу: Усацев переулок, дом № 11, кв. 1, спросить Расщеперину⁶. Желаю Вам здоровья душевного и телесного. <...> Своими тяготами не буду Вам надоедать. Ваш, крепко любящий брат Н. Клюев.
16 апреля <1915 г.>. Жду ответа жадно.

Н. Ф. Христофорова-Садова⁷ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Н. А. КЛЮЕВЕ

Это было в тридцатых годах нашего столетия (31—32 гг.)... Однажды в мою дверь постучали.

⁵ Ширявец (Абрамов) Александр Васильевич (1887—1924) — поэт, в становлении творческой индивидуальности которого сыграла большую роль его переписка с Клюевым. В одном из писем Ширявца к Миролубову есть строка: «Его <Клюева> советы — настоящий клад для меня».

⁶ Расщеперина (Клюева) Клавдия Алексеевна (1881—1941) — родная сестра поэта.

⁷ Христофорова-Садова Надежда Федоровна (1880—1978) — певица, вокальный педагог, в 20—40-е годы была близка артистическим кругам Большого театра.

МЕЧТА О НЕВЕСОМОСТИ

«Войдите»,— и вот вошел человек в какой-то необычной одежде... В руках письмо. Распечатав его, я прочла просьбу моей знакомой приютить у себя поэта Ключева Николая Алексеевича, на время обмена им его ленинградской комнаты на московскую...

Предо мной был чисто русский человек — в поддевке, косovorотке, шароварах и сапожках старинного покроя. Лицо светлое, шатен, борода небольшая, голубые глаза, глубоко сидящие и как бы таившие свою думу. Волосы полудлинные, руки красивые с тонкими пальцами; движения сдержанные; во всем облике некоторая медлительность, взгляд весьма наблюдательный. Говорит ровно, иногда с улыбкой, но всегда как бы обдумывая слова,— это заставляло быть внимательным и к своим словам. Говор с ударением на «о» и с какими-то своеобразными оборотами речи...

Мне пришлось наладить совместную жизнь, по возможности считаясь с запросами каждого. Ник. Алекс. был нетребовательным гостем: для него ценнее всего была тишина, чтобы он мог углубляться в свое сокровенное творческое состояние. Оно было, как он говорил, не второй его натурой, а первой — и в нем он находился почти непрерывно, даже во время сна... Чувствуя мое самое сердечное внимание и, по его словам, даже понимание сущности его «внутреннего мира», он делался как-то родственно-доверчивым. Его обычная замкнутость исчезала, а сердце открывало свои богатые сокровища...

Что касается его жизненного уклада, то надо сказать: просто-та была особою его чертою. Он довольствовался самым необходимым. Не пил, не курил. Вставал рано и, еще лежа в постели, записывал свои творческие мысли... В разговоре часто удивляли его своеобразные определения — весьма меткие. Спорить не любил, больше внимательно выслушивал, но по живым, пронизательным глазам можно было ясно чувствовать внутри его **полноту творчества**.

Никол. Алекс. высоко ценил воспитание человека через общественное влияние и науку, но считал весьма необходимым самому человеку осознать и познать свои внутренние свойства, раскрыть в себе лучшие качества, заложенные в нем... Он говорил, что настало время познать человеку силу доброй воли в каждом и на основе этого добра объединиться человечеству для блага общего и каждого.

Никол. Алекс. был убежден, что поэзия и призвана — через тончайшие, свойственные ей одной откровения — дать человечеству всеисчерпывающие отображения мировых явлений... И вся эта непрерывная гамма отображений невольно влечет человечество к желаемой отрадной красоте, тому, что обновляет его и объединяет в светлом созвучии... В этом преобразовательном воздействии Н. А. и видел воспитательное значение поэзии для человечества.

В таких ценнейших беседах проходило время пребывания Ник. Алекс. у нас.

Публикация и комментарий
Сергея СУБОТИНА.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Фото В. КИРДОДЫ

Кто в детстве не мечтает полететь в космос? Ну хотя бы примерить скафандр, потрогать руками что-то настоящее космическое. И увидеть космонавта не по телевизору, а вот так, «наяву». Конечно, такая встреча будет памятной всю жизнь...

Все это я прочел в десятках ребячьих глаз, когда вместе с представителями Федерации космонавтики СССР приехал в пионерский лагерь «Звездочка» на традиционную Неделю космоса. В этот раз она посвящалась 50-летию со дня рождения первого человека, покорившего космическое пространство, — Юрия Алексеевича Гагарина. Всю неделю ребята, вожатые, воспитатели готовились к приезду гостей: рисовали, делали модели, чеканку, мастерили отрядные космические эмблемы, в знаниях состязались эрудиты — знатоки космонавтики.

Наш выбор пал на этот пионерлагерь не случайно — здесь по-настоящему увлечены изучением космоса. Уже несколько лет подряд мы приезжаем в «Звездочку», рассказываем молодежи о достижениях мировой космонавтики, показываем космическую технику. Каждая встреча всегда волнующая как для ребят, так и для нас, — сказал первый заместитель председателя Федерации космонавтики СССР Иван Григорьевич Борисенко. — С ребятами поддерживают связь космонавты П. Попович, А. Николаев, В. Зудов.

На этот раз в гости к пионерам приехали те, кто обеспечивает космические полеты: конструкторы, ученые, врачи. Были сотрудники павильона «Космос» ВДНХ СССР, летчик Герой Советского Союза Евгений Николаевич Степанов — ведь для многих космонавтов путь к звездам начинался в авиации.

Ребята узнали, как трудна и прекрасна дорога в космос, как живут и работают на орбите посланцы Земли, какое снаряжение берут с собой. Всем известно, например, что питаются космонавты в основном сублимированными продуктами, упакованными в различные тюбики, специальные корочки, обертки. Ребята имели возможность их посмотреть, попробовать, узнать, как они приготавливаются, а главное — как ученые разрабатывают то, что необходимо для космоса.

Об этом рассказал доктор медицинских наук, заслуженный изобретатель РСФСР Иван Павлович Неумывакин. Он же продемонстрировал бортовой холодильник, благодаря которому теперь на орбите есть свежие овощи, фрукты. Рассказал о работе врача на внеземной станции.

Александр Евгеньевич Петров говорил о проблемах жизнеобеспечения на борту космического корабля, под его руководством с участием ребят прошел парад космической одежды. Все было подлинным, начиная от маек и кончая полетным скафандром. Более того, несколько ребят из старшего отряда смогли надеть те самые костюмы, в которых после приземления космонавты Ляхов и Береговой отвыкали от невесомости. И полетный скафандр космонавта Джанибенова опробовали пионеры.

Казалось бы, одежда космонавтов внешне мало чем отличается от обычной. Но будь то халат, который надевают после душа, или комбинезон, в котором выполняют повседневные работы на борту станции, все они представляют собой своего рода инженерную конструкцию. Например, на костюмах «Пингвин» предусматриваются специальные амортизаторы, которые создают нагрузки на мышцы.

— Они необходимы, — пояснил ребятам А. Е. Петров, — чтобы космонавт не забывал родную Землю, ее притяжение.

Космонавт В. Зудов в пионерском лагере «Звездочка».

— Вы словно беседуете с будущими вашими коллегами, — заметил я Александру Евгеньевичу.

— Да, — отвечал он мне, — мы хотим профессионально сориентировать ребят на наши космические профессии, но главное, конечно, пробудить, вернее, укрепить в них активное творческое отношение к тому делу, которому они посвящают свою жизнь.

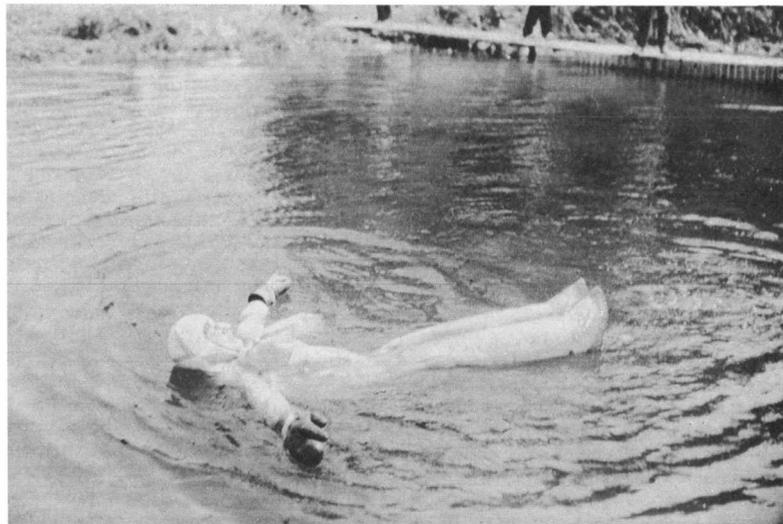
Самая оживленная часть сбора проходила на берегу реки. Здесь демонстрировались костюмы для незапрограммированных случаев. Например, космонавт приземлился в районе Крайнего Севера, да еще зимой. Не шубу же возить с собой в космос! Оказывается, сконструирован тонкий, удобный и, нужно сказать, весьма элегантный шерстяной костюм (как, впрочем, и

вся одежда космонавтов очень красива, практична, удобна), в нем можно спокойно переносить значительные понижения температуры. Или корабль опустился на воду. В этом случае на выручку придёт либо морской спасательный костюм, либо специальные надувные поплавы.

И, конечно же, ребята буквально засыпали вопросами своих шефов из Федерации космонавтики.

Особенно волновала всех невесомость. По лицам вижу, что от самого сознания возможности пережить это состояние у ребят захватывает дух. И сама жажда невесомости есть не что иное, как извечная мечта человека о свободном полете, о преодолении земного притяжения, что зависит только знаниями и трудом.

В случае непредвиденной посадки на воду космонавта выручит вот такой костюм.

Кампучийские школьники.

чийского правительства. Но могли обескровленный полпотовцами кампучийский народ сам, без помощи извне, добиться своего освобождения? Нет. И эта помощь ему была необходима. Сейчас, когда твердо стоит на ногах народное правительство, когда создана регулярная кампучийская армия, части вьетнамских добровольцев постепенно начинают отводиться с территории Кампучии.

Кстати, во времена правления Пол Пота и его клики американские газеты и пресса других империалистических стран писала, не переставая, о массовых казнях в Кампучии и кровавом режиме, установленном по всей стране. Теперь они взяли палачей под свое покровительство, а полпотовские банды, окопавшиеся на тайландской границе, получают от тех же империалистических государств и оружие и продовольствие. Теперь там уже не вспоминают, во что обошлось кампучийскому народу правление профессиональных убийц. А помните об этом надо, и не только ради памяти миллионов замученных людей, но и ради тех, кто остался в живых.

Недавно в столице Кампучии были опубликованы новые данные о зверствах полпотовцев. Эти данные распространены специальной комиссией по расследованию преступлений полпотовской клики. Цифры потрясают. За три с лишним года правления в Кампучии кровавого режима Пол Пота — ставленника сил империализма и гегемонизма — было убито 3 314 768 кампучийцев, из них 1 927 061 крестьянин. В тюрьмах режима было замучено 305 417 рабочих и государственных служащих. После пыток и издевательств погибло около 200 известных кампучийских писателей и публицистов — цвет национальной литературы. С преступной последова-

вается, что преступления полпотовцев отбросили страну на десятилетия назад в ее социально-экономическом развитии.

Цифры действительно страшные. Но они же говорят и о том, каким мужеством, верой в будущее, трудолюбием должен был обладать народ, какой силой авангарда в массах должна была пользоваться Народно-революционная партия и народное правительство, чтобы не дрогнуть перед трудностями, решительно взявшись за возрождение страны.

На помощь республике пришли Советский Союз, Вьетнам, другие социалистические страны. Начались поставки продовольствия, посылка необходимых специалистов для восстановления экономики.

Грозившие стране голод и эпидемии были побеждены. Сейчас в столице уже 650 тысяч жителей. Работают магазины, рынки, открыты столовые, парикмахерские, аптеки, телевизионные ателье. Постепенно в уездах и провинциях создаются заново больницы и поликлиники, медицинские пункты в деревнях.

Декан одного из факультетов медицинского института в Пномпене Ми Самеди рассказывал:

— Когда после освобождения мы вошли в здание института, то увидели картину полного разгрома. Сейчас многое удалось восстановить, и студентов в институте насчитывается несколько сот человек. Студенты учатся без канюк, чтобы как можно скорее окончить институт и начать работать. Большую помощь нам оказывают наши вьетнамские друзья из Ханойского медицинского института.

Сам профессор во времена правления полпотовской клики был выслан в отдаленную провинцию. Спаслись он смог потому, что скрыл свою специальность.

— Основа экономики страны —

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Юрий ПОПОВ

Тропическая заря расцветила восточную часть неба над Пномпеном, и на ее фоне резко очертились контуры косматых кокосовых пальм, густые кроны тамариндовых деревьев, зарослей остролистого стройного бамбука. Город медленно просыпается к дневным заботам. У водопроводной колонки молодая мать моет черноглазых шоколадных голышей, расставляет стулья у столов на тротуаре хозяин крошечной уличной харчевни в ожидании первых посетителей, потянулись на базар крестьяне из близлежащих деревень с корзинами, наполненными свежей зеленью, рыбой, рисом, улицы зазвенели велосипедными звонками, и вот уже ребятяшки с книжками в руках стайками заспешили на уроки в свои школы. Наступило мирное утро нового дня кампучийской столицы.

Как-то не верится, что пять лет назад Пномпень был фактически мертвым городом. Почти всех жителей полпотовская клика, пришедшая к власти в 1975 году, насильственно переселила в сельскую местность, где значительная часть их либо погибла от голода, либо была уничтожена. О тех страшных временах до сих пор напоминают и многочисленные массовые захоронения, которые все еще находят на территории страны, и рассказы очевидцев массовых убийств, чудом спасшихся от смерти.

В 1979 году народ воставшей Кампучии с помощью братского вьетнамского народа сверг ненавистный режим кровавых палачей. Лишь после этого стало возможным определить масштабы трагедии, которую пережил народ этой небольшой миролюбивой страны. Сейчас представители реакционной печати на Западе — да и не только на Западе — пытаются обвинить демократический Вьетнам в том, что он, дескать, вмешался в чужие дела, введя в Кампучию добровольцев по просьбе кампу-

тельностью палачи уничтожали работников здравоохранения и просвещения — около 18 тысяч 600 человек, или почти 90 процентов всех занятых в этих областях. Полпотовцы убили и 96 процентов всех кампучийских студентов — свыше 10 тысяч юношей и девушек. Пытаясь отбросить страну в мрак средневековья, клика геноцида уничтожила более тысячи известнейших кампучийских актеров, режиссеров, музыкантов. Террору подверглись представители национальных меньшинств, проживавших в Кампучии, — уничтожено 488 359 чамов, в основном исповедующих ислам.

Тяжкие последствия правления клики ощущаются и по сей день. В стране 141 948 калек и инвалидов, свыше 200 тысяч ребят-сирот.

Страшнейший удар нанесен и национальной экономике: взорвано и разрушено 634 522 здания, разграблены и превращены в руины 1968 пагод, 5857 школ, 796 больниц и медицинских пунктов, 108 мусульманских мечетей. В документе комиссии подчерки-

сельское хозяйство. В нем занята подавляющая часть населения. Его восстановлению уделяется самое пристальное внимание со стороны Народно-революционной партии. Как отмечал Председатель Совета Министров НРК Чан Си, нынешний год должен быть годом дальнейшего развития всех отраслей сельского хозяйства. Поставлена задача расширить площади обрабатываемых земель до 2114 тысяч гектаров. Одновременно планируется увеличить отдачу каждого гектара, будет повышена эффективность и производительность крестьянского труда. Значительно укрепляются группы трудовой взаимопомощи. Их число на январь 1984 года достигло 102 тысяч — на 7 тысяч больше, чем в 1982 году. Они объединяют 1350 тысяч семей.

Большую заботу проявляет правительство о молодом поколении. Ведь очень многие юные граждане остались без родителей и даже дальних родственников, к тому же в течение этих лет дети совершенно были лишены возможности учиться. Первый официаль-

ный учебный год начался по всей стране в 1979 году — в тот самый год, когда была провозглашена Народная Республика Кампучия. Только что созданные школы смогли принять около двух третей детей школьного возраста. А уже сейчас практически все дети имеют возможность учиться.

Напряженным трудом возводятся здания новой Кампучии. На стекольной фабрике, где мы побывали, директор Сонн рассказал, что на первых порах приходилось разыскивать, где возможно, и сырье, и оборудование, и инструменты. Когда начали работу по пуску фабрики, то лишь 20 человек из ранее работавших на предприятии 500 рабочих остались целы. Сейчас работают уже 100 рабочих, хотя сырья все еще мало. Как бы то ни было, фабрика выпускает бутылки, стаканы, пепельницы и другие изделия, которые поступают в магазины Пномпеня. Начал работать в окрестностях столицы шинный завод и некоторые другие предприятия. Заработная плата раньше выплачивалась только продуктами, но после введения в стране денежного обращения (при полпотовах деньги в Кампучии были отменены) она стала выдаваться в деньгах. Однако до сих пор рабочие и служащие получают наряду с зарплатой от 16 до 19 килограммов риса в месяц. Также по талонам они получают ткани, обувь.

Курс страны на создание основ социалистического общества, несомненные успехи кхмерского народа вызывают злобную реакцию со стороны врагов Кампучии. Как известно, при поддержке империалистических государств международная реакция в свое время было создано так называемое «коалиционное правительство демократической Кампучии». Среди его участников оказались и пол-

потовцы, окопавшиеся на территории Таиланда. Они продолжают свое черное дело борьбы и провокаций против своего собственного народа, совершая налеты на пограничные города и поселки.

Народно-революционная армия дает достойный отпор этим бандитам, но вместе с тем правительство НРК предоставляет возможность тем лицам, которые решили порвать с продажной кликой, искупить свою вину честным трудом. Им разрешают вернуться в свою страну и начать новую жизнь.

Несмотря на все попытки органов империалистической пропаганды исказить внешнюю и внутреннюю политику Народной Республики Кампучии, авторитет и влияние ее в международных вопросах неизменно растут. Она имеет дипломатические отношения со многими странами Азии, Африки, Латинской Америки, расширились ее связи с международными организациями. Советский Союз и другие социалистические страны последовательно и твердо поддерживают народную Кампучию на международной арене. Единство взглядов КПСС и НРПК отмечалось на состоявшихся в сентябре 1983 года советско-кампучийских переговорах. Разработана долгосрочная программа советско-кампучийского экономического сотрудничества. В ее рамках предусматривается оказание НРК помощи в создании медицинских учреждений и учебных заведений. Будет оказана помощь в восстановлении ряда промышленных предприятий, дальнейшем развитии сельского хозяйства, рыболовства, строительства мостов и дорог.

Народная Кампучия прочно встает на ноги, и возврата к прошлому нет и быть не может. Счастья и процветания тебе, молодая и древняя страна!

На одной из улиц Пномпеня.

Фото автора

СВЕТ МЕЛИХОВА

Юрий ОСИПОВ,
фото А. ГОСТЕВА

Мелкий осенний дождь зарядил с утра и шел весь день, не переставая. Он обволакивал влажным пологом листву в меликовских аллеях, лоснил кожаный верх старой пролетки, сплетал круги на темной глади укромного пруда... А люди, очень много людей, местных и приехавших издалека, растекались по узким дорожкам усадьбы, от призывно поскрипывающего половицами одноэтажного деревянного дома к флигелю, где была написана «Чайка». И торжественные музыканты в мокрых фраках встречали их у бронзового бюста.

...Прошедшая суббота середины сентября не связана с какой-либо юбилейной датой жизни Чехова. [Такая дата впереди: в январе будущего года весь мир отметит 125-летие со дня его рождения.] Просто осенью Чехов обычно бывал дома, в Мелихове, — возился в саду, лечил, строил школы, писал.

Скромное имение это в Серпуховском уезде Антон Павлович купил не глядя, по объявлению в газете, зимой 1892 года, вернувшись из своей героической поездки на Сахалин. После всего увиденного в путешествии им овладела жажда перемены обстановки. «Если я врач, мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангустом...»

Из семи меликовских лет две осени были отданы самоотверженной борьбе с холерой. Пять холерных барачков и два медицинских пункта организовал он на своем участке. В каждом медицинском пункте — в Крюкове (там теперь открыт филиал музея) и в Угрюмове — принимал больных по два раза в неделю. Дома, в Мелихове, — ежедневно, с 5 до 9 часов утра. Более тысячи больных за два месяца!

Едва отступила холера, занялся

устройством сельских школ (в двух сохранившихся — в самом Мелихове и Новоселках — также филиалы музея). С этого времени учитель становится непререкаемым действующим лицом многих чеховских рассказов. Жалоба задавленного нуждой талейского учителя прозвучит в «Чайке». По своей инициативе, на свои деньги писатель строит в Талеже школу, описывая все тяготы постройки в повести «Моя жизнь». За сооружение талейской школы Чехов был награжден орденом Станислава III степени. Новоселковскую школу он строил в период обострения туберкулезного процесса, когда его жизнь буквально висела на волоске. И при этом шутил, что для содержания семьи ему достаточно трети гонораров, а все остальное нужно для оправдания «литературных привычек», в число которых он, помимо школ, включал и прокладку дороги от станции Лопасня, и открытие почтового отделения, и возведение колокольни, пожарного сарая, и постоянную помощь крестьянам.

Молчаливыми свидетелями подлинных его литературных привычек были лишь любимый письменный стол и стены рабочего кабинета, где в эти годы создавался цикл произведений на крестьянские темы: «Мужики», «Новая дача», «По делам службы», «В овраге». Брат писателя М. П. Чехов указывал, что на каждой их странице «сквозят меликовские картины и персонажи». А «Дядя Ваня», «Остров Сахалин», «Палата № 6»!.. Все они рождались здесь.

Устав, Антон Павлович выходил в соседнюю гостиную, присев на диван, любил слушать, как играет на фортепиано кто-нибудь из гостей. Гостям всегда были рады в этом скромном, уютном доме. В его комнатах и в саду не раз раздавались беззаботный смех Лики Мизиновой и отрывистый голос Левитана. Сюда добирались по бездорожью блестящие столичные художники, артисты, поэты. Отсюда Чехов отправил более двух тысяч писем.

Флигель, где была написана «Чайка».

Он расстался с родным Мелиховом не по собственной воле, но по настоянию врачей и рвался к нему душой из опостылевшей Ялты, вспоминал о нем в предсмертные часы. Оттого-то, возможно,

этот тихий уголок подмосковной земли олицетворяет для нас живой облик Чехова.

«Подвижники нужны, как солнце», — говорил Антон Павлович, и слова его с полным правом сле-

В такой пролетке приезжал сюда со станции писатель.

Звучит Шопен...

дует отнести к небольшому отряду работников музея-заповедника во главе с Юрием Константиновичем Авдеевым, на протяжении десятилетий неустанно возвращавших нам чеховскую перво-

зданность Мелихова. Сегодня здесь все, как было при Чехове, вплоть до мельчайшего кустика, изгиба дорожки. И ощущение его незримого присутствия не покидало участников празднества.

Директор музея-заповедника Ю. К. Авдеев (справа), народный художник СССР скульптор М. К. Аникушин, народная артистка СССР В. Г. Дулова в кабинете писателя.

Лысюк за трешку

На улице царил суета. Все куда-то спешили, торопились, летели, будто опаздывали на аэродром или на многосерийный телевизионный фильм. По мостовой летел троллейбус, из дверей которого торчала чья-то непарная нога. По воздуху, кружась, словно снежинки, меланхолично слетали выброшенные из окна на девятом этаже яичные скорлупки. Ловко уклоняясь от людей и скорлупок, летел за троллейбусом Алексей Сергеевич Голубков. Он бы обязательно догнал его на остановке и втиснулся внутрь, если бы не увидел боковым зрением толпу возле киоска на другой стороне улицы. Толпа волновалась и пыталась навести внутри себя порядок, но ей это плохо удавалось.

«Ну вот,— подумал Алексей Сергеевич,— замедляя ход,— опять что-то дефицитное дают, а я чуть было мимо не пробежал. Надо со своей рассеянностью решительно бороться!»

Перебежал он улицу, налетел, как коршун, на толпу и спрашивает:

— За чем очередь, граждане? Что там сегодня на повестке дня? — Лысюк сегодня на повестке,— отвечает ему какая-то дама с импортной сумкой.— Только, если вы им действительно интересуетесь, встаньте, пожалуйста, в очередь.

— Ладно, мамаша, тебе-то этот лысюк зачем? У тебя под парником все равно ничего не видно,— отвечает Голубков и постепенно начинает ввинчиваться в толпу. Другого вежливо плечиком ототрет, у другого поднырнет под мышкой, а сам лихорадочно соображает: «Что это еще за чертовщина такая — лысюк? То ли тубейка какая, то ли мыло от перхоти!.. Вот люди, совсем с ума посходили! Других забот у них нет!»

Рассуждает он так про себя и в то же самое время локтями продолжает работать. Однако чем ближе к киоску, тем сильнее стали его одолевать сомнения: «Черт его знает, сколько этих лысюков взять. Десяток — вроде мало. Два — вдруг денег не хватит... Спросить у кого-нибудь? Да нет, неловко, подумаю, что из деревни приехал...»

Поразмыслил Алексей Сергеевич, все взвесил и решил для начала пять штук взять, а там видно будет. Но когда он уже к самому киоску подобрался, вдруг пронзила его неожиданная мысль: «А что, если этот лысюк на меху?!»

Сунул он руку в нарман, начал деньги пересчитывать, в тесноте никак не поймет, трешка это или квантиция из прачечной. А продавщица уже торопит его из киоска:

— Не задерживайте очередь, граждане. Вам сколько? — Мне?.. Э... один! — выпалил Голубков.— Сколько с меня? — Три рубля,— отвечает киос-

нерша, берет из его дрогнувшей руки деньги и протягивает Алексею Сергеевичу что-то голубенькое и невесомое, вроде повестки в милицию или направления на анализ.

Голубков так и обомлел. «Вот-те на! — думает.— Это за свои же деньги! Вот влип...»

Выбрался он из толпы, поглядел на свою покупку и видит: никакого это не направление, а билет в консерваторию. И на обратной стороне от руки написано: «Виолончелист Винтор Лысюк».

А чуть ниже надпечатка: «Купленные билеты обратно не принимаются».

Рассярепел Алексей Сергеевич, набылчился, кулаки сжал.

— Вот это ловушка! — бормочет сквозь зубы.— Думаете, на простачка напали? Ну-ну... Попробуйте-ка у меня обратно не принять! Сделал он тут интеллигентное выражение лица и начал к киоску протискиваться.

— Извините,— говорит,— ошибка вышла. Я думал, это скрипка. А на виолончель у меня с детства аллергия. Так что прошу вернуть деньги...

Тут все его обступили, билет чуть из рук не рвут, каждый просит именно ему продать. Голубкова это насторожило.

«Что-то здесь,— думает,— не то... Чего они все так на этого Лысюка рвутся? Как бы мне в дураках не остаться...»

— А ну, расслабься, братва! — скомандовал Алексей Сергеевич окружающим.— Отойди на метр сорон! Ишь чего захотели: на Лысюка без очереди попасть! А вот это не видал! — Он злорадно показал меломанам кукиш.— Уж и пошутить с ними нельзя! Не для того я в очереди мерз два часа, чтоб Лысюками разбрасываться! У меня, может, одна отрада в жизни — виолончель послушать, тем более что жены дома все равно нет: в деревню и теще уехала. А вы меня хотите последней радости лишиться...»

Раздвинул он толпу, пиджак одернул, причисался перед витриной и, подув на расческу, отправился в консерваторию.

...Лысюк Голубкову не понравился. Такой из себя маленький, невидный, на лбу родинка. Но все это еще можно было терпеть, пока он играть не начал. Тут уж Алексею Сергеевичу совсем невмоготу стало. Напомнила ему эта виолончель голос соседа по квартире Кортелева, зануды, каких свет не видал. Голубков уж и глаза пробовал закрыть, и зубы стискивал, и головой качал, чтоб наваждение рассеять, однако ничего не помогало. Казалось, что сосед стоит где-то рядом и прямо в ухо Алексею Сергеевичу скрипит:

— Опять вы в ванной свет не погасили...

Или еще какую-нибудь такую же гадость. И особенно обидно, что все это приходится слушать за свои же деньги. Чтоб эти происки заглушить, Голубков попробовал себе под нос популярную песню напевать: «Птица счастья, вытаци

меня». Однако тут стали возражать другие слушатели, у которых эта виолончель, наверно, вызвала другие мысли и воспоминания, более задушевные.

Терпел, терпел Алексей Сергеевич, потом чувствует: его словно бы укачивает, как на пароходе. Испугался он немножко, насторожился, но виду не подает. Чинно поднимается со своего места и не торопясь идет к выходу. С билетершей за руку попрощался.

— Жалко,— говорит,— что я такой замечательный концерт не могу дослушать, но больше оставаться в зале не имею права, поскольку забыл выключить дома утюг. Клянусь от меня Лысюку и передайте, что я обязательно послушаю его в другой раз, когда будет время.

И заспешил домой. А дома его тот самый сосед встречает, Кортелев, и ни с того ни с сего улыбается Голубкову, как родному племяннику.

— Добрый вечер,— говорит.— Разрешите вас поздравить...

— А в чем дело? — подозрительно спрашивает Алексей Сергеевич.— Опять, что ли, каная-нибудь родня из провинции ко мне приехала? Или я свет в туалете забыл выключить? — Ничего нет,— отвечает сосед.— То есть свет-то забыли, но не в этом дело. Это все мелочи быта, и даже неудобно между культурными людьми об этом говорить. Совсем наоборот — вас только что по телевизору показывали!

— Как по телевизору? — побледнел Голубков.— За что?!

— Вот этого не знаю,— пожал плечами Кортелев.— Наверно, у вас лицо киногенное... А я, понимаете, включаю телевизор, вижу, концерт симфонический передают. Только хотел выключить, как вдруг гляжу и глазам не верю! Сидите вы собственной персоной, закрыли глаза и как бы покачивается из стороны в сторону. Видно, переживаете сильно. Наверно, этим вы оператору и понравились. Он на вас потом еще несколько раз намеру наводил... В общем, поздравляю вас, соседусь. Честно говоря, никогда не думал, что вы такими вещами увлекаетесь...

— Гм... Да, увлекаюсь,— буркнул Алексей Сергеевич и искося взглянул на соседа, пытаясь понять, не морочит ли он ему голову.— Я это... с детства... Особенно виолончелью... Можно сказать, любимый инструмент...

Он хотел еще что-то добавить, но в это время зазвонил телефон.

— Здорово, Моцарт! — загрохотал в трубке голос приятеля.— Слушай, это правда, что тебя по телевизору показывали? Мне жена сказала, а я не поверил. Мы с ней на трешку поспорили, что это не ты. Я ей битый час втолковываю, что если б, скажем, из пельменной была передача или из пивного бара, тогда бы еще можно было на тебя подумать, но чтобы из какой-то там консерватории — да ни в жизнь! Что ты, ополоумел, что ли?

— Отдай своей Клавдии трешку,— сухо сказал Голубков.— Я это был. Имею полное право в часы досуга посетить консерваторию. Еще вопросы есть?

— Вопросы? — опешил приятель.— Нет... Вот, впрочем, у супруги есть. Сейчас узнаю, чего она хочет... А-а, она тебя просит назвать австралийский музыкальный инструмент из четырнадцати букв...

— Гм... из четырнадцати? — важно произнес Алексей Сергеевич.— Виолончель не подходит?.. Нет?... Жаль... Тогда позожье позвони, надо подумать...

В этот вечер Голубкову еще семь раз звонили по телефону и дважды приходили поздравлять лично: сначала знакомый грузчик из продовольственного магазина напротив, явившийся с бутылкой и предложивший выпить за музыкальное искусство вообще и лично за выдающегося музыканта нашего времени Лысюка с его замечательной виолончелью. А потом пришла соседка-учительница с первого этажа и попросила Алексея Сергеевича выступить на пионерском сборе с докладом «Моя жизнь в искусстве». Голубков долго отнекивался, но учительница не отставала, а отказать ей категорически было неудобно, поскольку он частично занимал у нее трешку до получения. Алексей Сергеевич вздохнул и согласился. На следующий день он взял в библиотеке единственное, что там было по этому вопросу, — биографию композитора Сибелиуса, тщательно ее проштудировал и как мог пересказал на сборе, выдав отчасти за свою.

Ребята долго хлопали ему и наперебой просили автографы, а когда разгоряченный успехом Голубков вернулся домой, он с изумлением увидел собственную супругу.

— Ты...ты, Жанна, чего это из деревни-то прикатила? — растеряно полюбопытствовал он.— У тебя же отпуск только начался... — Я тебе покажу отпуск! — строго сказала жена.— Меня, значит, в деревню сплавил, а сам каждый вечер развлекаешься? Ты где был позавчера, можешь мне ответить?

— В кон... в консерватории... — покраснев, признался Алексей Сергеевич.

— Так... — нахмурилась супруга.— В консерватории, значит? А мне вкручивал, что по вечерам «кнозла» ходишь забивать? Негодяй! Это ж надо додуматься: тайком от жены по консерваториям бегать! Только о себе и думаешь!

А меня, значит, недостойной считаешь? А ну-ка, живо беги за билетами! Да чтоб на тот же самый концерт достал! Эгоист ты, больше никто!

Она еще что-то такое возвышенное говорила, но Голубков не дослушал, за билетами отправился. Так с тех пор и ходит, однако билеты ему больше не попадают. Что поделаешь! Трудно нынче попасть в консерваторию! Особенно на Лысюка...

Рисунки В. ВОЕВОДИНА

Три стадии.

ТУРНИР МИРОВЫХ РЕКОРДОВ

Четыре месяца назад, выступая на страницах «Огонька», рекордсмен мира по штанге в сверхтяжелой весовой категории Анатолий Писаренно сказал об огромном преимуществе советских супертяжеловесов над предполагаемым победителем «Олимпиады-84». Завершившиеся в болгарском городе Варне крупные международные со-

ревнования тяжелоатлетов «Дружба-84» убедительно подтвердили слова выдающегося штангиста. Такого турнира еще не знала история мировой тяжелой атлетики. 28 мировых рекордов установлено на этих соревнованиях, из них семнадцать — советскими спортсменами. На Олимпиаде в Лос-Анджелесе не был установлен

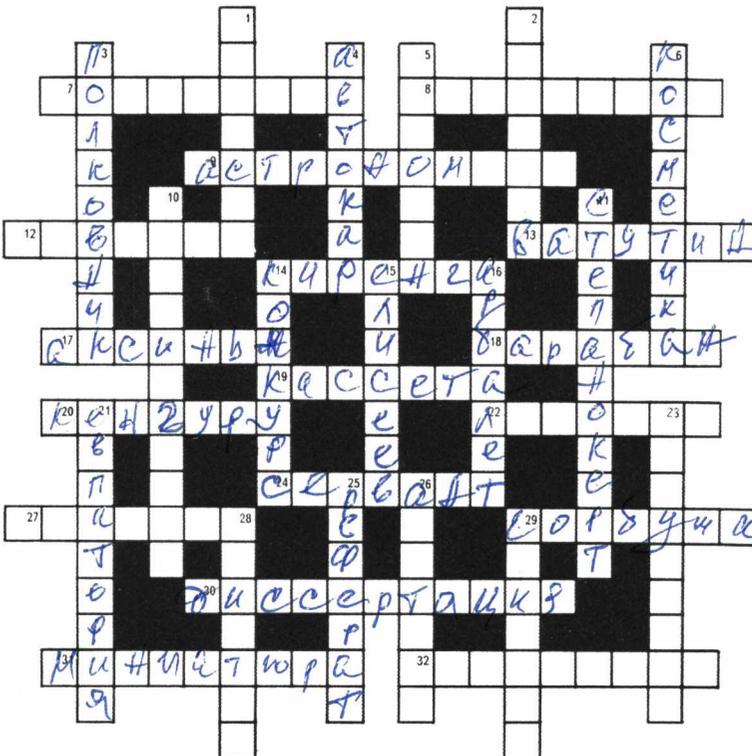
ни один мировой рекорд. Во всех весовых категориях результаты, показанные на помосте в Варне, оказались намного выше лос-анджелесских. Анатолий Писаренно остался верен себе. 265 килограммов — таков его новый мировой рекорд в толчке. В сумме двоеборья у Анатолия 465 килограммов, что на

52,5 (!) килограмма больше, чем у олимпийского победителя австралийца Д. Лукина.

На снимке: сборная команда советских тяжелоатлетов, возвратившаяся из Варны.

Фото В. Каратаева

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Напевная речь в вокально-музыкальном произведении. 8. Советский гимнаст, неоднократный чемпион мира и Олимпийских игр. 9. Раздел науки о Вселенной. 12. Цирковой артист. 13. Советский военачальник. 14. Приток Лены. 17. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 18. Ударный музыкальный инструмент. 19. Светонепроницаемый футляр для фотографической пленки, пластинки. 20. Сумчатое животное. 22. Декоративное, масляное растение. 24. Низкий буфет для посуды. 27. Горная порода, строительный, декоративный камень. 29. Промысловая морская рыба. 30. Научно-исследовательская работа. 31. Художественное произведение малых размеров. 32. Опера Д. Верди.

По вертикали: 1. Озеро в Казахстане. 2. Великий русский живописец. 3. Офицерское звание. 4. Самоходная тележка. 5. Ароматическое вещество, используемое в пищевой промышленности. 6. Средства для ухода за кожей. 10. Разновидность клещей. 11. Центр автономной области в Азербайджане. 14. Соревнование. 15. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 16. Старинное метательное оружие. 21. Курорт в Крыму. 23. Итальянский композитор XIX века. 25. Краткое изложение научного труда. 26. Приток Суры. 28. Произведения искусства, объединенные одним замыслом. 29. Нидерландский философ-материалист XVII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 7. «Романтик». 8. Симеонов. 10. Селекционер. 12. Бихор. 13. Бажов. 14. Клещи. 15. Теорема. 17. Маринка. 19. Ямайка. 20. Тритий. 24. Плантаж. 26. «Захарка». 27. Ирина. 28. Отлив. 30. Вишня. 31. Кальнуляция. 32. Динтофон. 33. Энология. По вертикали: 1. Бобринец. 2. Инзер. 3. Ливенна. 4. Синоним. 5. Денеб. 6. Москва. 9. Мцхета. 10. «Современник». 11. Ратификация. 16. Майна. 18. Алиса. 21. Плутоний. 22. Стимул. 23. Экономия. 25. Жильцов. 26. Зарядна. 29. Вазов. 30. Висла.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Чинара Ташенова стала студенткой Киргизского женского педагогического института имени В. Маяковского. (См. в номере материал «Судьба моя Киргизия».)

Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Грибная пора. Фото И. Константинова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономии быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 10.09.84. Подписано к печати 26.09.84. А 00425. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 674 000 экз. Изд. № 2412. Заказ № 3408.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Чем больше неймется Штатам,
Тем крепче отпор пиратам!

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

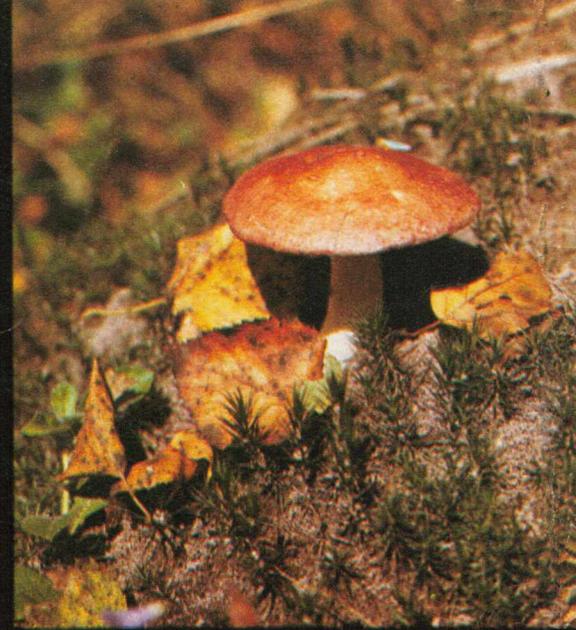
СТИХИ Ник. ЭНТЕЛИСА

«Наказан» палач сурово:
Он в кресле министра снова.

С партнерами доллар «дружит» —
Валюты «друзей» утожит...

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

